

№ 78 ЦЕНА 10 СЕНТ.

DIELO TROUDA

ОРГАН
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

ЯНВАРЬ-МАРТ 1934 г.

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
"Dielo Trouda," 3122 N. Mason Ave., Chicago, Ill.

10-й год издания

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН ПЕРЕВООРУЖАЙТЕСЬ!

За Германией Австрия... Кто на очереди?.. В какой стране фашизм, став на грудь поверженного пролетариата, пропоет победную песнь?

Судя по всему, можно предположить, что такой страной будет та, которая имеет наиболее сильную социал-демократическую партию. Почему? О, конечно, не потому, что социал-демократия сознательно предает рабочий класс! И, конечно, не потому, что ее вожди продались буржуазии, продались сознательно, или что они большие трусы! Нет, тысячу раз нет! Это не об'яснение факта, а демагогия, при помощи которой хотят нажить политический капитал, хотят использовать разочарование социал-демократических рабочих, не дав им правильного об'яснения факта. Здесь кроется сознательное или бессознательное стремление отвлечь взор пролетариата от истинной причины торжества фашизма и гибели демократии. Дело обстоит гораздо серьезнее и причины торжества фашизма лежат гораздо глубже, чем многие думают.

Первая причина — неправильное понимание социал-демократами, марксистами, (к сожалению, и анархистами тоже, в частности Международным Товариществом Рабочих), направления линии развития современного капитализма. Из этого непонимания прежде всего проистекает ложное представление о природе фашизма и о причинах его порождающих, а затем, как следствие, ложная тактика и ложное понимание, даже полное непонимание, например, со стороны социалистов государственников, причин вырождения современной политической демократии и естественной неизбежности этого вырождения.

Фашизм расценивается как показатель разложения капитализма, как непререкаемое свидетельство его обреченности, как следствие экономического кризиса, с которым не может справиться капитализм, как протест мелкой и средней буржуазии против разоряющего ее финансового капитала. Все эти представления в высшей степени не верны. Прежде всего фашизм есть попытка стабилизации капитализма при содействии нового класса — бюрократии, которая, по примеру государственного социализма, главным образом марксизма, пытается, путем государственного вмешательства и регулирования, перевести капитализм с индивидуалистических рельс на рельсы корпоративные и тем самым привести в соответствие политическую систему с экономической. В настоящее время между этими системами существует полнейшее несоответствие. В самом деле, ни для кого не секрет, что мы живем в эпоху империализма, т. е. господства финансового капитала (банков и биржи); ни для кого также не является секретом, что это господство выражается в форме экономической диктатуры, следовательно, парламентаризм, политическая демократия, являвшаяся выражением по-

литического господства буржуазии эпохи промышленного капитала, уже, и это вполне естественно, не может быть политической формой, выражающей экономическую диктатуру финансового капитала, поэтому то демократия естественно и логически замещается фашизмом, т. е. политической диктатурой, которая приводит в соответствие политический режим с режимом экономическим. Отсюда вывод — кто не хочет фашизма, должен уничтожить капитализм, а не сотрудничать с ним в интересах защиты демократии, которая ныне для финансового капитала является феодальным пережитком. Непонимание этого естественного процесса привело к банкротству государственный социализм, к гибели его партий и к страшному поражению руководимого ими пролетариата. Борьба с фашизмом есть, следовательно, прежде всего борьба с капитализмом и с государственным социализмом, который, благодаря своему учению обоготворения государства, является духовным отцом фашизма.

Замещение демократии фашизмом, т. е. диктатурой финансового капитала, в разных странах происходит по-разному и фашизм не обязательно должен быть везде террористическим: там, где имеется сильное организованное революционное рабочее движение, это замещение происходит насильственным, „революционным" порядком с террором по большевистскому рецепту — так было в Италии, Германии и Австрии; там же, где революционное рабочее движение отсутствует или слабо, это замещение происходит постепенным, мирным путем, путем усиления государственного начала под флагом либерализма и даже „социализма", заимствуются из него те стороны его учения, (усиление государства в экономике), которые выгодны для дальновидных представителей капитализма — так происходит в Америке; „Эн-Ар-Эй" есть практическое выражение фашизации страны.

Рассизм и антисемитизм — явления побочные и совсем не обязательные и не характерные для фашизма; они, так сказать, провинциальные особенности и только. Рассизм и антисемитизм нужны для фашизма только как орудие и только там и тогда, где и когда они могут ускорить приход фашистской диктатуры и закрепить ее, и где и когда они могут отвлекать внимание широких масс от истинной причины их рабского и нищенского положения, от классовой борьбы. В Америке и во Франции, например, место рассизма и антисемитизма с успехом может занять ксенофобия, т. е. разжигание ненависти к живущим в стране иностранцам.

Одним словом, фашизм не есть признак разложения капитализма, а признак его перехода в новую и, конечно, последнюю стадию развития: фашизм — политическое выражение экономической диктатуры финансового капитала, империализма. Вместе с ним, по тем же причинам, что и в большевистской России, на историческую сцену вышла **бюрократия, как класс,** который практически и выполняет эту диктатуру в интересах плутократии (богачей), вместе с ней и под ее контролем, в России же этот класс выполняет диктатуру самостоятельно, якобы в интересах пролетариата, а фактически без пролетариата, над пролетариатом и против пролетариата.

Верно, конечно, что фашизм есть восстание мелкой и средней буржуазии против финансового капитала, разоряющего их; **но только восс**тание — не больше, **не господство, не диктатура мелкой и средней буржуазии.** Это восстание только по внешности кажется опасным для финансового капитала, на самом же деле в нем этой опасности нет. Нет потому, что мелкая и средняя буржуазии при современных экономических условиях не могут уничтожить свою экономическую зависимость от финансового капитала, следовательно, и не могут стать самостоятельной политической силой. Финансовый капитал это понимает и потому субсидирует и поддерживает это движение во всех странах. И, действительно, это движение, как только захватывает власть, сейчас же становится орудием в его руках: в первую очередь, конечно, против пролетариата, во вторую — против самой мелкой и средней буржуазии. Последняя, установив диктатуру бюрократии, другой она не может установит по своему экономическому положению, начинает воображать, как в свое время воображали в России, что это ее собственная диктатура, потому что она в интересах государства ограничивает индивидуализм отдельных капиталистов, но она упускает из вида, что эта же самая диктатура об'единяет интересы крупных капиталистов, что еще больше усиливает мощь финансового капитала и делает ее, мелкую и среднюю буржуазию, об'ектом этой самой диктатуры бюрократии, которая, фактически, только и может существовать пока она отражает интересы экономической диктатуры финансового, банкового капитала. Фашизм, следовательно, еще означает усиление государственного начала по большевистскому образцу: об'единение власти и замещение государственных органов партийными учреждениями, как в Италии и Германии, которые организуют идеальнейшее полицейское государство, соответствующее экономической диктатуре.

Непонимание этого процесса марксизмом заставило социал-демократов защищать парламентскую демократию, обреченную на исчезновение естественным ходом развития капитализма, заставило ее сговариваться, в целях защиты этой демократии, с капиталистическими элементами, притворявшимися непонимающими происходящего процесса, и сдавать им позицию за позицией, подготовляя тем самым свою собственную гибель и бесславное поражение пролетариата в Германии или, как в Австрии, ставя пролетариат в такое положение, при котором, несмотря на геройство, перед коим мы снимаем шапки, он должен был понести кровавое поражение. Именно это непонимание происходящего процесса развития современного капитализма заставило социал-демократов защищать абсолютно незащитимое, вместо того чтобы бить по капитализму, уничтожить его, что они в состоянии были сделать, и тем самым уничтожить саму причину фашизма и установить подлинную демократию, которая, будучи развита до конца, есть анархия, безвластие. Теперь ясно — кто действительно хочет бороться с фашизмом, должён бороться с капитализмом, с увлечением государственностью, а не сотрудничать с первым и не увлекаться вторым.

Вторая причина, как это не дико звучит, — антидемократический, антирабочий характер государственного социализма, аристократический характер его основного организационного принципа — **централизма.** Централизация равна диктатуре. Централизация, доведенная до логического конца, есть **деспотия,** как показывает опыт России. Между диктатурой и деспотией, следовательно, стоит знак равенства. Демократический централизм, поэтому, — такая же нелепость, как горячий снег и жидкий лед. Разная степень централизации означает разную степень диктатуры: менее сносную или более сносную, но одинаково зловредную. Политическая централизация неизбежно порождает бюрократию, бюрократия же создает вождей, Сталин — разительный пример, и, следовательно, убивает самодеятельность масс, превращает их в безинициативных солдат, незнающих что делать, когда нет офицеров. Именно этому принципу, на основе которого строится организация рабочих масс социалистами, фашизм и обязан легкой победой в Германии и в Австрии. В отношении последней это отмечает даже буржуазная пресса, как, например, чикагская „Дэйли Ньюс", в которой ее венский корреспондент, Джон Гюнтер, писал следующее:

„Вина, главным образом, лежит на сверх-дисциплине в партии, которую ввел Бауэр. Социалисты окостенели наверху и раз'единены внизу. Рабочие были так обескуражены строгой партийной иерархией, что не были способны на инициативу. Они ждали приказов даже тогда, когда было ясно, что никаких приказов не может последовать".

Партии, организованные по образцу современных централистических государств, никогда не достигнут целей подлинного социализма, ибо они несут в себе все язвы, свойственные организационной системе современных государств; они никогда не достигнут целей подлинного социализма, как показывает опыт России, потому что вся их организационная структура есть резкое отрицание этих целей.

Партийная бюрократия, заполняя собой государственную машину, становится, при диктатуре пролетариата (Россия), жандармом, угнетателем и эксплоататором пролетариата, а при капитализме, помимо воли и помимо желания, так сказать, механически, она становится орудием капитализма, развращается в капиталистическом окружении — помните: бытие определяет сознание — и неизбежно приспособляет социализм к нуждам капитализма. Отсюда и голосование за военные кредиты в 1914 г., и национал-патриотизм, доходивший до шовинизма, и теории классового сотрудничества в форме коалиционного правительства, разработанные Каутским-Бауэром, и защита национальных интересов, т. е. интересов своей отечественной буржуазии, и защита демократии, парламентаризма, от социализма, и борьба с революцией, и вкус к диктатуре, т. е. к политической централизации, и все прочее, что хранится в политическом арсенале Маркса-Энгельса. А результат всего этого — фашизм, собственная гибель и страшное поражение пролетариата. Значит, третьей причиной является политическое учение марксизма в целом: как в Ленинском, так и в Каутско-Бауэровском истолковании. Все это говорит о том, что государственный социализм, независимо от хороших или плохих качеств его представителей, с неизбежностью естественного закона ведет или, в случае его победы над капитализмом, к социал-деспотизму и государственному рабству, как в России, или к торжеству фашистской диктатуры и поражению пролетариата, как в Германии и Австрии. Какой же выход из положения? Выход один — отбросить то, что не выдержало житейского испытания, что вместо пользы приносит вред, иными словами, сдать Маркса-Энгельса в музей социальных древностей раньше срока, указанного ими для государства, без этого условия государство никогда не будет сдано в музей марксистами. Заменить марксистское оружие, свойственное каменному веку капитализма, современным оружием, выко-

ванным в Первом Интернационале и отточенным Бакуниным и Кропоткиным. Но позвольте, скажут мне, разве испанский пролетариат не потерпел поражения, пользуясь рекомендуемым вами оружием? Да, потерпел поражение, **но не разбит на-голову,** как в России, Италии, Германии, Австрии. Испанский пролетариат потерпел поражение, но и фашизм не победил. Затем не нужно забывать, что в Германии и в Австрии марксизм имел миллионы членов, десятки миллионов выборщиков, имел в своем распоряжении то, что, по Марксу-Энгельсу, является **непременным условием** осуществления социализма — **политическую власть,** а русский марксизм и до сих пор имеет ее в своих руках. И что-же? Торжество фашизма в первом случае, торжество деспотизма во втором. Испанский же пролетариат потерпел поражение не тогда, когда он имел в своем распоряжении **непременные условия** осуществления анархии и коммунизма, а только в борьбе за **эти „непременные условия“,** каковыми являются захват производства рабочими организациями и уничтожение государства. В этом разница, но она огромна! Поражение испанского пролетариата — Пиррова победа буржуазии: „Еще одна такая победа и буржуазии не станет“; это — Бородино для испанского пролетариата, поражение же марксизма это — Седан и Ватерлоо.

Пролетарии должны идейно перевооружиться, если хотят победы! Пролетариат должен увеличить свои силы, создав единый фронт на основе отказа от парламентаризма, диктатуры, централизации и государственности, тогда, **и только тогда,** у него не будет ни татарского ига — Россия, ни Седана — Германия, ни Ватерлоо — Австрия.

Пролетарии всех стран, перевооружайтесь!

Г. Максимов.

ПЕЧАЛЬНАЯ ГОДОВЩИНА

Несколько недель тому назад печать всего мира отметила одну из печальнейших годовщин в современной истории — годовщину трагического срыва одной из самых передовых Европейских цивилизаций в бездну неприкрытого варварства, годовщину прихода гитлеровской контр-революции к власти. Один год — слишком малый отрезок времени для того, чтобы установить надлежащую перспективу в оценке значения какого либо события, но бывают сроки столь насыщенные внутренним смыслом, что, как бы малы и незначительны они не были, по сравнению с общим потоком исторического времени, они, однако, отражают самую суть устремленности последнего в гораздо большей степени, чем крупные периоды. Как краткий заключительный акт драмы, они подводят итог и раскрывают значение предыдущего действия, являясь как бы сгущенным и смысловым повторением его. В этом и заключается значение последнего года торжества Гитлеровской контр-революции — значение зловещего эпилога, подводящего последнюю черту под целую эпоху и освещающего ее истинное направление.

Приход Гитлера к власти не является победой обыкновенной контр-революции. Торжество германского фашизма не есть просто один из тех изломов в поступательном движении современной истории, какими последняя изобиловала в XIX и XX столетиях. Как бы свирепы эти контр-революции не были по своему характеру, с какой бы силой они не обрушивались на прогрессивные и революционные движения своего времени, они, однако, по своей сути были проявлением зигзаго-образности хода истории, который, в общем и целом, все таки был уставлен на будущее и неуклонно двигался к нему, несмотря на временные отклонения и возмущения. Разрушительный характер этих контр-революций был строго ограничен их ролью временного тормоза, временного проявления закона действия и противодействия, в силу которого туго натянутая тетива прогрессивных устремлений обрывалась, отскакивая назад лишь в той мере, в какой эти прогрессивные силы превысили свою действительную мощь для данного исторического момента. Историческое колесо откатывалось назад, но не срывалось с пути окончательно, не уносилось стремглав в пучину оголтелого варварства и одичания. Все эти контр-революции ограничивались лишь посягательством на некоторые революционные завоевания, будучи, однако, вынужденными делать значительные уступки духу прогрессивного времени. В отношении же основных устоев европейской цивилизации, эти контр-революции были не столько реакционны, сколько консервативны, они не были разрушительны, но лишь охраняли эти устои от революционно-прогрессивных изменений. Если народные массы требовали расширения своих прав, если они пытались наполнить формы политической демократии глубоким социальным содержанием,

то торжествующая контр-революция временно клала предел этим попыткам. Там же, где речь шла о борьбе за саму политическую демократию, там контр-революционные силы до некоторой степени ограничивали и последнюю, но нигде они не замахивались на самые основные принципы европейской цивилизации, как она складывалась с самого начала новой истории. И даже временно победившие контр-революции абсолютистских стран должны были ориентироваться на основную направляющую линию прогресса этой цивилизации. Контр-рев. 1848 г. в Германии, 1905 г. в России были все таки вынуждены сделать очень серьезные уступки, которые, в конце-концов, вели к расширению народных прав, к росту рабочего движения.

В том то и заключается зловещее отличие Германской контр-революции последнего года от всех предыдущих контр-революций, что она не является просто изгибом прогрессивно-устремленного хода нашей общественной жизни, а свидетельством полного перелома в основном ее направлении. Гитлеровщина явилась не в результате живой динамики борющихся сил, а длительного процесса гниения всего современного общества: гниения капитализма, гниения рабочего движения, завязшего в тине оппортунизма и крохоборчества, гниения лже-социализма, претендовавшего на роль обновительной силы, призванной возродить старый мир. Поступательное движение вперед кончилось — вот что означает победа гитлеровщины. Капиталистический мир дошел до предельной точки разложения, и пока что не обнаружилось таких сил, которые могли бы направлять жизнь по тому же поступательному пути, по которому она шла до недавнего времени. Лишенный этих устремляющих сил, влекомый вниз огромной тяжестью омертвелой своей массы, огромный социальный механизм срывается с налаженного исторического пути, откатываясь уже не к предыдущему этапу, а к самой низшей точке. На пути такого бешенного ската в пропасть ломаются и разваливаются не только завоевания отдельного периода, но все ценности культуры и цивилизации последней формации, все то, что тяжелым упорным трудом целых поколений добывалось и вкраплялось составной частью структуры социальной жизни. Постепенное расширение элементарных прав человеческой личности, ослабление и суживание государственной власти, раскрепощение женщины, гуманизация человеческих отношений, гуманизация подхода к преступнику, к ребенку, к проблеме воспитания и образования, неуклонное расширение международных связей, растущая международная солидарность и, наконец, расширение прав самого обездоленного класса современного общества — пролетариата промышленной цивилизации, — все это неразрывно связанное с идеальными устремлениями новой истории, все это растаптывается, уничтожается стремительным ходом контр-революции чуть ли не в несколько месяцев. Ее предельным устремлением является даже не общественный строй средних веков, ни даже разлагающийся императорский Рим, но нечто гораздо худшее, одно из самых отвратительных сторон варварства изначального периода человеческой истории. Идеалом этой контр-революции является кастовый строй первобытных арийцев-индусов, варваризация человеческих отношений под углом этого кастового идеала, варваризация человеческой психики, низведения ее до уровня того болезненного безумия, которое современная психологическая наука открывает в душевной жизни варваров. Варварство, в самом доподлинном смысле этого слова, уже не прикрывается фиговым листком каких либо идеальных устремлений, как это делали даже самые закоренелые реакционеры прошлого времени, а провозглашается идеальной нормой, в согласии с которой вся жизнь во всем ее об'еме личных и общественных отношений перестраивается. Цезаризм, от которого веет самыми ужасными временами Римской истории; культ государства, возстанавливающий самые темные периоды, — глубочайшие провалы в человеческой истории, — периоды господства восточных монархий; попытка загнать женщину в гарем, в рабские условия византийского затворничества; раздувание национального и рассового эгоизма до той степени, где кончается уже какая либо разумная жизнь и где господствуют лишь одни психозы и помешательства; восстановление самых ужасных пыток средневековья; оказармливание школы, искоренение малейшей свободы, даже в самых отдаленных областях, как математические науки *), — все это не просто крайние проявления розбушевавшейся стихии контр-революции, которые потом будут смягчены, по мере того как стихия уляжется в законные берега. Все это часть определенной, систематической программы, часть неизбежной политики, творимой новыми варварами, могильщиками европейской цивилизации и культуры.

---

*) Недавно в газетах сообщалось о резолюциях группы наци-математиков, в которых требовали „кооперирования“ математических исследований и работ с духом философии национального социализма и его практической политики.

И в этом отношении можно сказать, что гитлеровщина — это рок всего современного капиталистического общества. Отсюда его притягательная сила, его кажущаяся установка на творчество каких то новых общественных форм. Это творчество с обратным знаком, что в сущности является отрицанием всякого творчества. Но в некотором смысле можно сказать, что гитлеровщина действительно дает выражение **назревающим** силам современного общества. В нем есть какая то подлинная динамичность. Это — динамика распада, разложения, попятного движения и вырождения дряхлеющего мира. Этим и об'ясняется та странная завораживающая сила, с которой фашизм захватывает мир. Ибо фашизм и есть предельное выявление самой логики этого мира, логики, влекущей глубоко эксплуататорский мир к неизбежному вырождению, логики постепенного выветривания всех его кажущихся ценностей и обнажения истинного его характера.

Эта логика давно уже была раскрыта подлинными революционерами социалистами-анархистами Первого Интернационала, и в пророческих предостережениях величайшего революционера прошлого столетия—Михаила Бакунина—было дано полное предвосхищение трагического развития последних лет. Борьба проти капитализма, глубоко бесчеловечного и варварского строя — говорил он — возможна лишь на революционном пути. Предоставленый самому себе—мишурная борьба на парламентском поприще равносильна предоставлению капитализма самому себе — капитализм должен привести к неизбежному одичанию и вырождению. Революционная борьба это не просто один из методов борьбы рабочего класса, а единственный путь спасения человечества от надвигающегося варварства.

Пророческий крик великого революционера не был услышан во время. Мещанство победило в социализме. Маленькие люди с маленьким кругозором, неспособные видеть дальше ограниченного отрезка времен, заполнили движение своей сутолокой и парламентской шумихой. Социализм, вместо глубоко обновляющей революционной силы, какой он стремился стать в первый период свого развития, выродился в старчески дряхлую оппозицию, сращиваясь все более и более с капиталистическим миром, становясь органической его частью. Капитализм гнил, и вместе с ним гнило и вырождалось искусственно привитое ему рабочее движение: гнило трэд-юнионистское движение, гнили социалистические партии, хилея и вырождаясь вместе со старым миром. И когда накопившиеся силы разложения вырвались наружу, они повлекли за собой в пучину не только старый мир либерального капитализма, но также и прилепившееся к нему рабочее движение, все его социалистические леса и пристройки.

Еще немного — и оглушенный рабочий класс Германии начнет приходить в себя, начнет собирать свои силы для смертной схватки с гитлеровщиной, но одного уж не будет больше: гнилого, паразитического социализма, подведшего рабочий класс под удар контр-революции и приведшего к тягчайшему и позорнейшему из всех поражений — к преступной сдаче всех без боя. И в этом единственная невольная заслуга варварской германской контр-революции.

Б-ский.

ГРЯДУЩАЯ МИРОВАЯ БОЙНЯ

Молох Войны. — Стоимость Европейской Войны 1914-18 гг. — Сколько Стоила бы Война Соед. Штатам? — Кому Война Выгодна? — Интернациональный Военный Трест. — Подкупы Продажной Печати, Журналистов и Министров. — Кровавый Путь. — Акционерное Общество Патриотизм и Ко. — Поставщики Смерти. — Что Получили Победители ? — Результаты Войны. — Увеличение Военных Бюджетов и Вооружений.

Казалось бы, что мир после жесточайшего опыта Европейской бойни 1914-18гг. должен был бы **НАВСЕГДА** отрешиться от идеи войны — ведь раны и до сих пор не залечены: они свежи и чувствительны.

В официальном докладе одной из комиссий Лиги Наций имеются следующие данные относительно некоторых войн: Семилетняя война обошлась человечеству в 554,000 жертв; войны Французской Революции — в 1,400,000; походы Наполеона — в 1,700,000; в Крымскую кампанию погибло 785,000 человек; в войну за независимость Америки — 700,000; в Русско-японскую войну — 624,000; в Балканских войнах — 108,000. Все эти войны, вместе взятые, вырвали из рядов человечества — 6,000,000 молодых жизней. Однако ци-

фры эти бледнеют по сравнению с последней Европейской войной, в жертву которой принсœено было 26,000,000 молодых жизней!

Приведенные данные составляют только часть военных потерь; они указывают лишь на потери человеческих жизней на разных военных фронтах. За 4 года Европейской войны, в которую втянуты были почти все народы земного шара, было убито до 30,000,000 человек, а искалечено и ранено — 60,000,000 человек, не считая отравленных газами. Четырехлетняя человеческая бойня обошлась миру в 400,-000,000,000 долларов. Если включить сюда убытки от разрушений, причиненных войной, потери имущества и культурных ценностей, то **СТОИМОСТЬ** войны значительно увеличится.

Сопоставление этих данных позволяет уяснить, во что может вылиться новое столкновение между народами, обладающими ныне еще более могущественными средствами массового истребления, чем в эпоху 1914-18 гг. В предвидении войны экономические эксперты в Вашингтоне делают следующие вычисления: считается, что Соед. Штаты уже выдали аванс на войну в размере 40,000,000,000 долларов, следуемых с Европы: 12,000,000,000 дол. — военные долги, 10,000,000,000 дол. — проценты и 18,000,000,000 дол. — долги частным лицам. Основываясь на цифровых данных **стоимости** прошлой Европейской войны, экономические эксперты приходят к заключению, что даже в случае победоносной войны с большой державой, таковая обошлась бы Соед. Штатам не менее 70,000,000,000 д. В случае же потери войны, поселедняя обошлась бы Соед. Штатам не меньше — 100,000,000,000 д., да плюс все то, что потребует победившая держава в качестве вознаграждения за убытки. Кроме того, учитывается возможная потеря Филиппин, Гуама, Гавайских островов и Панамского канала, общая стоимость которых равна 20,000,000,-000 д. В довершение всего, внешняя торговля отошла бы к Европе, как во время последней войны она отошла к Америке и Японии, и Соед. Штаты осталися бы еще в долгу у Европы.

Если война требует таких колоссальных затрат и миллионов человеческих жизней, то **кому** она выгодна? При существующей капиталистической системе **НЕСПРАВЕРЛИВОСТИ** — угнетения и эксплуатации — война всетаки выгодна; **выгодна** не труженикам полей, лесов, заводов, фабрик, мастерских, шахт, рудников и разных других предприятий, выгодна не человечеству, а **капиталистам** — крупным промышленникам, банкирам, амуниционным и пушечным королям и разного рода спекулянтам.

Утверждение это не голословно, а основанно на фактах. Приведем некоторые из них. Так, например, по данным газеты „Нью Иорк Таймс", Америка получила за 20 месяцев ее участия в Европейской войне на 2,500,000,000 д. военных заказов на снаряды и орудия и в течении войны появились в Америке несколько десятков новых миллионеров, наживших состояния не только на военных заказах, но и на других товарах и спекулятивных оборотах.

Надо еще добавить, что военная промышленность работает не только в военное время, но и в мирное. Ее короли, являясь ура-патриотами, постоянно разжигают военные страсти и это оплачивается им с лихвой при получении заказов. Так, по данным лондонского „Стокк Эксчэндж", чехословацкие оружейные заводы Шкода, работающие под контролем Шнейдера-Крезо, дали в 1920 г. 8,5% дивидента, в 1922 г. — 10%, в 1924 г. — 12,5%, в 1925 г. — 13, в 1929-30 гг. — 28,5%! Это резкое увеличение доходности совпало с об'явлением войны, вне закона".

Римская газета „Стампа" опубликовала ряд статей, разоблачающих деятельность крупнейшей французской военной фирмы „Шнейдер-Крезо", имеющей огромное влияние на внешнюю политику Франции. Газета утверждает, что фирма „Шнейдер-Крезо" тесно связана с чехословацкой военной фирмой „Шкода" и английской „Виккерс-Армстронг", заводы которой накануне войны стоили только 28 млн., а теперь — 50,000,000 д.

По заявлению „Стампы", начиная с 1919 г., Франция предоставила своим союзникам свыше 5,000,000,000 франков, при чем огромная часть этих сумм была израсходована на оплату заказов фирме „Шнейдер-Крезо".

„Стампа" спрашивает, чем об'ясняются симпатии французской печати к Японии и к ее агрессии в Манчжурии, и отвечает: „Японскую армию, состоящую из 50 дивизий, флот, занимающий третье место в мире после Англии и Соед. Штатов, и авиацию, насчитывающую свыше 2,000 самолетов, снабжает всеми военными материалами фирма „Мутсуи", владеющая 25 фабриками военного снаряжения, на которых занято свыше 100,000 рабочих. Фирма „Митсуи" контролируется или, по крайней мере, тесно связана в финансовом отношении с франко-японским банком, входящим в состав „Шнейдер-Крезо".

Дальше газета утверждает, что в 1930 г. фирма Шнейдер-Крезо купила „Эко де Пари" и „Журналь де Деба" и подчинила их полностью задачам военной пропаганды. В 1931 г. общество шахтовладельцев,

связанное со Шнейдер-Крезо, приобрело достаточное количество акций газ. „Тан“, чтобы контролировать последнюю.

Специальная статья „Стампы“ посвящена деятельности „Комитэ де Форж“, об'единяющему 240 крупных промышленников, в руках которых сосредоточено 75% металлургической промышленности Франции. Акционерный капитал обществ, об'единенных в „Комитэ де Форж“, выражается в 7,500,000,000 франков. В эту сумму не включены резервные капиталы, амортизационные фонды, учредительские премии при эмиссии новых акций и проч. Оборот Комитэ де Форж в 1927 г. составлял 30,-000,000,000 франков. Во главе Комитэ де Форж стоят Евгений Шнейдер, Франсуа де Вендель, Теодор Лоран, Пралон, Кувеле и Дрэ.

На подкуп печати для пропаганды усиленных вооружений Комитэ де Форж ежегодно отпускает 75,000,000 франков. Один только „Тан“ получает 10 млн. франков в год; затем идут „Журналь де Деба“, „Эко де Пари“, „Матэн“, „Ордр“ и другие. Кроме того, ежегодно проходит 20-25 млн. франков по „черному фонду“, предназначенному для подкупа политических деятелей и административных лиц. „В общем, — говорит „Стампа“, — это 100 млн. ежегодно. Комите де Форж всегда компенсировал эти расходы высокими прибылями. Разве мы не помним про миллиард, который Шнейдер, де Вендель и Ко. заработали на укреплении французских границ?“

Анализируя бюджет военного министерства на 1931-32 г., „Стампа“ пишет: „Французское военное министерство является отличным клиентом для продавцов пушек. Однако аппетиты все возрастают и военные промышленники жаждут все новых и новых крупных заказов. Лица, стоящие во главе бюро печати и пропаганды „Комитэ де Форж“, не страдают отсутствием изобретательности и предприимчивости. Недаром двое начальников этого бюро сделали изумительную карьеру: Тарьде стал председателем совета министров, а Франсуа Понсэ — послом в Берлине“.

Разоблачая деятельность французских военных промышленников, „Стампа“ умалчивает однако о том, что итальянские пушечные короли делают то же самое, ибо все они входят в один грандиозный мировой трест, акционеры которого заинтересованы не в сохранении мира всего мира, а в разжигании военных страстей и в подготовке новой мировой бойни.

Феннер Броквей, в недавно вышедшей в Лондоне книге под названием „Блоди Траффик“, доказывает, что **английские, французские, германские, чехословацкие, австрийские, американские и японские военные заводы находятся в тесной связи и образуют тайный трест.** Владельцы военных заводов, провозглашая себя везде и всюду первостепенными патриотами и разжигая страсти, неустанно требуют все новых и новых вооружений, от которых правительства всех стран не отказываются, и, таким образом, поддерживают внутри страны высокие цены на орудия человекоистребления, обирают своих соотечественников, а за-границей сеют тревогу, грозят войной и вооружают все народы.

Автор указывает на факты из прошлой Европейской войны: союзницы Центральной коалиции — Болгария и Турция — были вооружены не Германией-союзницей, а неприятельницей-Францией; Турция не только получала из французских заводов Шнейдер-Крезо оружие, но и деньги из французских банков, на которые заказывала вооружение на заводах Круппа в Эссене.

Мощный металлургический бассейн в районе Бриэ разделял франко-германский фронт, по обеим сторонам которого находились металлургические заводы. Обе воюющие стороны поклялись разрушить эти предприятия врага до основания, что было бы вполне разумно, ибо это прекратило бы выработку новых вооружений и привело бы к более скорому миру, однако, как немецкий, так и французский генеральные штабы **почему-то** щадили этот район, который ни разу не подвергался обстрелу со стороны неприятеля. Об'ясняется же это просто: рудники и заводы в Бриэ были наполовину германскими предприятиями, т. е. **Франк, Тиссен, Рехлинг** и другие магнаты немецкой тяжелой индустрии состояли в них крупными акционерами, заинтересованными не в окончании войны, а в ее продлении. Точно также не подверглись обстрелу рудники и заводы на германской территории, расположенные между Мецом и Саарбрюкеном, ибо среди акционеров этих предприятий было много крупных французских промышленников во главе с собственниками оружейных заводов в Крезо — **Шнейдером и де Венделем.**

Не так давно много шума наделал тайный провоз оружия в Венгрию Францией-союзницей Чехословакии, против которой и направлены главным образом венгерские вооружения.

В изданной Лондонским Союзом Демократического Контроля книжке, под названием „Акционерное О-во Патриотизм и Ко.“, также имеются красноречивые данные о сотрудничестве французский и немецкой тяжелой индустрии. В этой книжке, между прочим, рассказан характерный эпизод, относящийся к Европейской войне: в марте 1917 г. в штаб армии у Вогез

прикомандирован был, в качестве военного спеца по авиации, некий лейтенант Лежен, занимавший до войны **видный пост в „Комитэ де Форж“**. Ему было поручено руководство воздушными набегами. По его приказам германские траншеи подвергались убийственным бомбардировкам, но он **зорко следил за тем, чтобы ни один снаряд не был брошен в район рудников и металлургических заводов,** примыкающих к фронту.

Понятно, что добрые отношения между Шнейдером, де Венделем и Ко., с одной стороны, и Круппом-Боленом, Тиссеном, Рехлингом и Ко., с другой, существуют и поныне, не смотря на то, что Германия и Франция грозят друг другу бронированным кулаком: около двух лет, как слилось французское о-во рудников и заводов Лотарингии с немецкими железоделательными и сталелитейными заводами, во главе которых стоит **Рехлинг,** являющийся горячим сторонником Гитлера, первосортным ура-патриотом и проповедником реванша; недавно он произнес на с'езде немецких гимнастических обществ в Штутгарте пламенную речь, в которой требовал возврата Германии Саарской области.

Чтобы осуществить это желание и мечту немецких патриотов, Германия должна вооружаться против исконнего врага—Франции, которая в свою очередь тоже должна вооружаться. И в конечном итоге военные предприятия будут работать вовсю, что и нужно Рехлингам-Шнейдерам.

Укрепления Франции, тянущиеся вдоль германской границы на протяжении 120 километров, в доброй мере возведены с помощью железа и стали, добытых и обработанных на заводах об'единенного франко-немецкого треста, в правлении которого председательствует большой патриот **Рехлинг.** Этот трест и теперь поставляет французскому военному министерству сталь по 626 франков и 50 сантимов за тонну.

Один из воротил этого треста, Александр **Дрэ,** тоже горячий французский патриот, требует на страницах шовинистической газеты „Аксион Франсес“ более усиленного вооружения Франции на случай войны с Германией. В результате получается „умилительная“ картина: одни члены правления — неподражаемые немецкие патриоты — науськивают Германию на Францию, а другие члены правления того же металлургического треста — боевые и несравненные французские патриоты — науськивают Францию на Германию. И если война, действительно, возникнет, то **Шнейдер, де Вендель и Ко. будут работать для общего дела по одной стороне военного фронта, а Рехлинг, Тиссен, Крупп-Болен и Ко. на другой, и вместе будут наживать новые миллионы, превращая кровь французских и немецких рабочих в звонкое золото.**

Что военная промышленность процветает и дела ее блестящие, свидетельствует повышение ее акций за последнее полугодие. Акции завода Шкода повысились с 320 до 435 франков, Виккерса-Армстронга с 1,120 до 1,420, а Шнейдера-Крезо с 1,-440 до 1,760 франков.

Из приведенных данных видно **кто хочет войны и кому война выгодна, — она выгодна поставщикам СМЕРТИ.**

Борьба с могущественной военной промышленостью, составляющей вечный заговор против мира, довольно трудна, ибо военные короли, об'единенные в Интернационал, обладают колоссальным капиталом; они подкупают крупных общественных деятелей, печать, министров и тому подобных влиятельных лиц, которые все время возбуждают в массах военный психоз. Кроме того, к скрытым военным целям поставщиков смерти, сводящимся к простой наживе, прибавляются еще и гуманитарные мотивы, как, например, война за демократию, за независимость, за самоопределение народов и т. п. Не упускается также и „миссия цивилизаторов“ или, по-просту, захват территорий.

По Версальскому договору, наложившему на Германию и ее союзников известную контрибуцию в пользу победителей, **Франция** получила Эльзас и Лотарингию, а в Африке — часть Камеруна и Тоганда, а также мандат на Сирию. **Бельгия** получила несколько германских колоний в Африке и пограничные города — Моресне, Юпен и Малмеди. **Польша** получила Данцигский корридор, большую часть западной и восточной Пруссии, Познани и Верхней Силезии, а по договору с большевиками — большую часть русской территории. **Англия** захватила большинство германских колоний в Восточной Африке, а ее вассалы: **Новая Зеландия** — остров Самоа, **Австралия** — германскую Новую Гвинею и архипелаг Бисмарка. Кроме того, Англия получила мандат на Ирак и Палестину, да захватила остров Кипр. **Италия** отняла от Австрии Трентино и большую часть Тироля, от Венгрии — Фиуме, а от Турции — Эгейские острова. **Япония** же захватила все германские острова на Тихом океане.

Однако от того, что получили страны-победительницы, контрибуцию и территориальные приобретения, трудовому населению этих стран не стало лучше: труженики остались такими же рабами Шнейдеров, де Венделей, Виккерсов и проч., как и до Европейской войны. Стало быть, территориальные приобретения для любой страны — такой же миф, как и война за

демократию или самоопределение народов.

Но каковы же последствия всякой войны? Результатами неслыханной мировой бойни явились: общее духовное и материальное **оскудение** народов, принимавших участие в войне; **разрушение** тех стран, на территории которых происходили кровавые побоища; общий **упадок** нравственности, культуры и ценности человеческой жизни, и как апофеоз всех бед, — **разгул** свирепой реакции, ненависти, спекуляции, распущенности и т. п. зол, а параллельно с ними расцвет усиленного воровства, краж, подкупов, грабежей, насилий и увеличение кошмаров. В довершение всех ужасов — слишком **обременительные налоги**, под тяжестью которых стонут народные массы всех стран. Прибавьте сюда людские страдания и муки и картина предстанет во всем своем отвратительном ужасе... Таковы последствия войны.

Казалось бы, что жесточайшие кровавые уроки прошлой Европейской войны, приведшей к разрушению, к колоссальным потерям человеческих жизней и к материальным убыткам, должны бы были чему нибудь научить человечество, а в особенности правителей, бросающих в бойню народы и, в конце-концов, расплачивающихся собственными жизнями или удирающих в изгнание. Однако уроки истории, кажется, никого ничему не научили, ибо все правительства великих и малых держав, не смотря на уроки прошлой войны, — пережитые ужасы и кошмары, имущественные убытки, потери культурных и жизненных ценностей, — усиленно готовятся к новой еще более ужасной человеческой бойне, вооружаясь до зубов и затрачивая на вооружения и содержание армий и флотов — воздушных и морских — колоссальнейшие средства. Все их **разговоры о мире и конференции по разоружению — пустые слова, дипломатическая маска или, по-просту, ширма, под прикрытием которой обделываются темные делишки и проводится бешенное вооружение, о чем свидетельствуют все возростающие военные бюджеты.**

Так, по статистическим данным одного нью-иоркского банка, накануне Европейской войны расходы великих держав на вооружение составляли в 1913 г. — 2,531,-000,000 д. А через 12 лет по окончании войны, т. е. в 1930 г. возросли до 4,128,-000,000 д.; а в 1931 г. достигли 5,000,000,-000 дол.

По отдельным странам расходы на вооружение в 1913 г. составляли: Япония — 95,5 миллионов долларов, Италия — 179,1 млн. д., Соед. Штаты—244,6 млн. д., Франция — 348,7 млн. д., Англия — 375,1 млн. д., Германия — 403,3 млн. д. и Россия — 447,7 млн. долларов. В 1931 г. военные расходы упомянутых великих держав составляли: Япония — 232,1 млн. д. (по сравнению с 1913 г. увеличилось на 142%), Италия — 258,9 млн. (увелич. на 44%), Франция — 455,4 млн. (увелич. на 30%), Англия — 535 млн. (увелич. на 42%), Россия — 579,4 млн. (увелич. на 30%, Соед. Штаты — 727,7 млн. (увелич. на 197%) и Германия 170,4 млн. д. (умен. на 65%), а всего указанные страны израсходовали в 1931 г. на вооружение — 2,958,800,000 долларов, что составляет общее увеличение на 37% по сравнению с 1913 г.

Из приведенных данных видно, что Германия, культивировавшая бронированный кулак и готовившаяся к разгрому России и других стран, занимала первое место в среде империалистических держав. По окончании войны она оказалась на последнем месте, будучи ограниченной Версальским договором, хотя, по данным из других источников, Германия вооружается тайно, расходуя на это средства из иных статей бюджета. Американские военные специалисты отмечают, что огромные расходы Соед. Штатов вызываются не столько количественным превосходством вооружения, сколько высокой стоимостью материалов и труда, тогда как другие правительства пользуются дешевым или почти бесплатным трудом (Япония и СССР). Однако, чем бы правительства не оправдывали расходов на вооружения, но факты остаются фактами: все они лихорадочно вооружаются, прикрывая усиленную подготовку к новой бойне пустыми разговорами о мире и разоружении.

Расходы на вооружения в 1932 г. еще больше увеличились: так, Италия истратила 331,600,000 д., Франция — 511,300,000 д., Англия — 527,500,000 д., а новообразованные государства, как Польша — 94,900,-000 д., Чехословакия — 53,600,000 д., Финляндия — 16,457,000 д., Латвия — 7,860,000 д., Литва — 5,680,000 д. и Эстония — 5,-520,000 д. В 1933 г. расходы на вооружение опять таки повысились. По французским данным Англия увеличила свои расходы на вооружение в 1933 г. на 20%, Италия — на 77%, Соед. Штаты — на 95%, Япония—на 203%. По Леонтену в 1913 г. Россия истратила на вооружение 2,072 млн. франков, а в 1931 г. — 18,200 млн. франков; Германия почти утроила свой военный бюджет, Франция ушестерила, а Италия удесятерила. Военные расходы СССР, бюджет которого на 1933 г. исчислен в 35,000,000,000 руб. прихода и 33 миллиарда руб. расхода, согласно данным наркомфина Гринько, исчислены в 1,450,-000,000 р., т. е. на 230 млн. руб. больше, чем в 1932 г. Военный бюджет Японии на 1934-35 гг. увеличен по сравнению с 1933 г. на 45% и составляет 467 млн. д.

К. Филиппович.

АНАРХИЗМ

АНАРХИЗМ В МЕЖДУНАРОДНОМ ТОВАРИЩЕСТВЕ РАБОЧИХ.

8го февраля исполнилось 13 лет со дня смерти П. А. Кропоткина, в ознаменование этой годовщины БИБЛИОТЕКА „ДЕЛО ТРУДА“ имеет в виду издать отдельной брошюрой заканчивающуюся початанием в этом номере его статью из Британской энциклопедии — АНАРХИЗМ. Нужно 25 дол. Обращаемся к группам и отдельным товарищам с просьбой собрать эту сумму.

БИБЛИОТЕКА „ДЕЛО ТРУДА“.

Как известно, за подавлением восстания парижских рабочих в июне 1848 г. и за падением республики, последовал общий упадок пропаганды социализма всех направлений. В течении всего реакционного периода, который продолжался целых 20 лет, у всей социалистической прессы был зажат рот. Тем не менее анархическая мысль начала несколько прогрессировать, а именно, в произведенниях Беллегарика (Coeurderoy) и особенно в произведениях Жозефа Дежака (Les Lazareennes, L'Humanisphere, — анархо-коммунистическая утопия, открытая позднее и переизданная). Социалистическое движение оживилось только после 1864 г., когда некоторые французские рабочие, все „мутуалисты“, с английскими последователями Роберта Оуэна основали на митинге в Лондоне Международное Товарищество Рабочих. Это общество очень быстро развилось и приняло политику прямой экономической борьбы с капитализмом, не вмешиваясь в политическую парламентскую агитацию, этой тактики оно следовало до 1871 года. Однако, после франко-германской войны, когда, после восстания Коммуны, Международное Товарищество было запрещено во Франции, немецкие рабочие, получившие право голоса в выборах в только что учрежденный имперский парламент, настаивали на изменении тактики Интернационала и стали строить социал-демократическую партию. Это скоро привело к расколу Международного Товарищества Рабочих и Латинская Федерация — Испания, Италия, Бельгия и Юра (Франция не могла быть представлена) организовали из себя федеративный союз, который совершенно порвал с марксистским Главным Советом Интернационала. Внутри этих федераций розвивалось то, что может быть названо **современным анархизмом.**

За именами „федералисты“ и „анти-авторитарии“, употреблявшимися некоторое время этими федерациями, имя „анархисты“, которое их противники настойчиво им навязывали, преобладало и, в конце концов, за ними и осталось.

Бакунин скоро стал вдохновителем этих латинских федераций в деле развития принципов анархизма, которые он развил во многих произведениях, брошюрах и письмах. Он требовал полного уничтожения государства, которое — он писал — есть продукт религии, принадлежит к низшей стадии цивилизации, представляет отрицание свободы и портит даже то, что предпринимает в интересах общего благополучия. Государство было исторически необходимым злом, но его полное исчезновение, рано или поздно, будет равно необходимо. Отрицая всякое законодательство, даже исходящее из всеобщего голосования, Бакунин требовал для каждой нации, для каждой области и коммуны полной автономии, поскольку это не угрожает соседям, полной независимости личности, добавляя, что таковая станет действительно свободной только тогда, когда свободны все остальные и когда ее свобода пропорциональна свободе всех. Свободные федерации коммун составят свободные нации.

Что касается его экономических концепций, то он сам называет себя, вместе со своими товарищами федералистами из Интернационала, „коллективистами-анархистами“, — не в смысле Видаля и Пеккера 40-х годов или их современных социал-демократических последователей, а в смысле такого состояния вещей, при котором все необходимое для производства находится в общем владении рабочих групп и свободных коммун, тогда как способ вознаграждения труда, коммунистический или иной, будет определен каждой группой для самой себя. Социальная революция, близкое пришествие которой тогда предсказывалось всеми социалистами, должна быть средством осуществления в жизни новых условий.

Юрская, Испанская и Итальянская федерации и секции Международного Товарищества Рабочих, как французская, германская и американские анархические группы, были в последующие годы главными центрами анархической мысли и пропаганды. Они воздерживались от всякого участия в парламентской политике и всегда находились в тесном контакте с рабочими организациями. Однако во второй половине 80-х и в начале 90-х годов 19-го столетия когда началось чувствоваться влияние анархистов в забастовках, в первомайских демонстрациях, где они проводили идею

всеобщей стачки за 8-ми часовой рабочий день, и их антимилитаристская пропаганда в армии, их начали сильно преследовать, особенно в латинских странах (дело доходило до применения пыток, как, например, в Барселонском Замке) и в Соединенных Штатах (казнь пяти чикагских анархистов в 1887 г.) На эти преследования анархисты ответили актами насилия, которые вызвали еще больше казней сверху и новые акты мести снизу. Это создало в широкой публике впечатление, что насилие есть основа анархизма, точка зрения отвергаемая его приверженцами, которые утверждают, что в действительности это насилие есть то насилие, к которому прибегают все партии пропорционально преследованию их открытой деятельности и исключительным законам, ставящим их вне закона.

Анархизм продолжал развиваться частью в направлнии прудоновского „мутуализма", но главным образом как коммунистический анархизм, к которому, как третье направление, Лев Толстой добавил христианский анархизм, и четвертое направление, которое можно назвать литературным анархизмом, началось среди некоторых выдающихся современных писателей.

Идеи Прудона, касающиеся взаимных банков, совпадая с идеями Иосии Уворрена, нашли значительное число последователей в Соединенных Штатах, и чуть не создали школу, главными писателями которой являются Стефен Пирл Андрюс, Вильям Грин, Лизандер Спунер (последний начал писать в 1850 г. и его незаконченное произведение: „Естественный Закон" было много обещающим) и многие другие, имена которых можно найти в „Библиографии Анархии" д-ра Неттлау.

Выдающееся положение среди анархистов индивидуалистов занимал Бенжамин Р. Тукер, журнал которого „Свобода", начал издаваться в 1881 г.; концепция Тукера есть комбинация идей Прудона и Герберта Спенсера.

Начав с утверждения, что, строго говоря, анархисты — эгоисты и что всякая группа личностей, будь то тайная лига из нескольких человек или Конгресс Соединенных Штатов, имеет право угнетать все человечество, если имеет на это достаточно силы, что равная свобода для всех и абсолютное равенство должны быть законом, и „каждый пусть знает свое дело" — единственный нравственный закон анархизма; Тукер пытается доказать, что осуществление этих принципов было бы в общем благодетельно и не представляло бы опасности, потому что силы каждого индивидуума были бы ограничены практикой равных прав для всех. Дальше, следуя Г. Спенсеру, он указывает на разницу, существующую между узурпацией чьих либо прав и сопротивлением такой узурпации, между господством и защитой: первые одинаково подлежат осуждению—будет ли это узурпация уголовного преступника над индивидуумом, или узурпация одного над всеми, или всех над одним; сопротивление же узурпации подлежит защите и оно необходимо, потому что самозащита гражданина и группы имеет право на всякое насилие, вплоть до смертной казни. Насилие оправдывается также в целях усиления обязанности придерживаться договора. Так Тукер следует Спенсеру и, подобно ему, под видом „защиты", расчищает (по мнению автора данных строк) путь для восстановления всех функций государства. Его критика современного государства очень глубока, и его защита прав личности очень сильна. Что касается экономических взглядов, то Тукер следует Прудону.

Индивидуалистический анархизм американских прудонистов, однако, находит мало симпатии в рабочей массе. Те, кто проповедует его — главным образом „интеллектуалы" — скоро поняли, что **индивидуализация,** которую они так высоко прославляют, не достижима в порядке индивидуальных усилий и они оставляют анархические ряды, или ударяются в либеральный индивидуализм классических экономистов, или успокаиваются на некоторого сорта эпикурейском аморализме, или же на сверх-человеческой теории, подобной теориям Штирнера и Ницше. Огромная масса анархистов рабочих предпочитает анархо-коммунистические идеи, которые постепенно выросли из анархического коллективизма Международного Товарищества Рабочих.

К этому направлению принадлежат — назову только более известных представителей анархизма — Элизе Реклю, Жан Грав, Себастьян Фор, Эмиль Пуже — во Франции; Энрико Малатеста и Ковелли— в Италии; Р. Мелла, А. Лоренцо и большинство неизвестных авторов превосходных манифестов — в Испании; Иоган Мост среди немцев; Шпис, Парсонс и их последователи в Соединенных Штатах и т. д. Домела Ньювенгуис же занимает в Голландии промежуточную позицию. Главные анархические газеты, которые издавались с 1880 г., также принадлежат к этому направлению; в тоже время много анархистов этого направления примкнули, к так называемому, синдикалистскому движению, — французское название не-политического рабочего движения, посвятившего себя прямой борьбе с капитализмом, — которое позднее стало таким выдающимся в Европе.

Одним из анархо-коммунистических направлений является направление, в котором автор данных строк в течение многих лет старался развить следующие идеи: показать тесную, логическую связь, которая существует между современной философией естественных наук и анархизмом; поставить анархизм на научную основу, путем изучения тенденций, проявляющихся в современном обществе и указать их дальнейшее развитие; выработать основы анархической этики. Что касается основы самого анархизма, то цель Кропоткина — доказать, что коммунизм — по меньшей мере частично — имеет больше шансов на осуществление, чем коллективизм, особенно в коммунах, взявших на себя, и при том свободно, почин, или что анархический коммунизм есть единственная форма коммунизма, которая имеет какой нибудь шанс быть принятой цивилизованными обществами; коммунизм и анархия, следовательно, два термина эволюции, которые дополняют друг друга, один делает другой возможным и приемлемым. Более того, он пытается показать как в течении революционного периода большой город — если его население восприняло идею — мог бы организоваться в направлении свободного коммунизма; город гарантирует каждому жителю жилище, пищу и одежду, некоторый комфорт, доступный ныне только среднему классу, в обмен на полдневную или пятичасовую работу; и как все те вещи, которые рассматриваются как роскошь, могли бы быть доступны каждому, если он во вторую половину дня об'единится со всякого рода ассоциациями, ставящими всевозможные цели—образовательные, научные, артистические спортивные и т. д. В целях доказательства первого из этих утверждений, он анализировал возможности земледельческого и промышленного труда в соединении с умственным трудом. В целях выяснения главных факторов человеческой эволюции, он анализировал роль, которую играли народные конструктивные агенты взаимной помощи и историческую роль государства.

Не называя себя анархистом, Лев Толстой, как и его предшественники в народных религиозных движениях 15-го и 16-го столетий—Чожеки, Денк и многие др., занял анархическую позицию в отношении к государству и правам частной собственности, выводя свои заключения из общего духа учения Христа и из необходимости, диктуемой разумом. Со всей силой своего таланта (особенно в **„Царство Божие внутри нас“**) он одновременно критиковал церковь, государство и закон, особенно современные законы о собственности.

Он описывал государство как господство злых, поддерживаемое грубой силой. Разбойники, говорит он, гораздо менее опасны, чем хорошо организованное правительство. Он проникновенно критиковал предвзятости, которые ныне в ходу, относительно пользы, приносимой людям церковью, государством и существующим распределением собственности и из учения Христа выводит правило непротивления и полное осуждение всех войн. Его религиозные доводы так хорошо скомбинированы с доводами, позаимствованным из безпристрастного наблюдения над современным злом, что анархические части его трудов одинаково трогали как религиозных, так и нерелигиозных читателей.

Здесь, в кратком наброске, было бы невозможно представить, с одной стороны, проникновение анархических идей в современную литературу и их влияние, а с другой, какие свободнические идеи лучших современных писателей воздействовали на развитие анархизма. Для того, чтобы дать представление как анархизм тесно связан со всем умственным движением нашего времени, должно быть принято во внимание десять больших томов **литературных приложений** к газете „ля-Револьт“ и позднее к „Тан Нуво“, которые содержат перепечатки работ сотен современных авторов. **„Свобода“** Дж. С. Милля. **„Личность против государства“** Спенсера, **„Нравственность без долга и санкции“** Марка Гюйо, **„Мораль, искусство и религия“** Фулье, работы Мульгатули (Е. Дувес Деккер), „Искусство и религия“ Рихарда Вагнера, работы Ницше, Эмерсона, В. Ллойда Геррисона, Торо, Александра Герцена, Эдварда Карпентера и т. д.; а в области изящной литературы — драмы Ибсена, поэзия Увата Уитмана, **„Война** и **Мир“** Толстого, „Париж“ и „Труд“ Золя, последние произведения Мережковского*) и бесконечное число работ менее известных авторов — полны идей, которые показывают как тесно анархизм переплетен с работой, которая происходит в современной мысли в том же самом направлении освобождения человека как от уз государства, так и от уз капитализма.

П. Кропоткин.

*)Не теперешнего Мережковского, Мережковского до-революционного. **Ред.**

Конкретизация анархических целей

Мы, как анархисты, страстно желаем свободы, экономической независимости и полного суверенитета (верховенства) личности, но, чтобы достигнуть взаимного понимания и этих целей, мы должны спуститься с высот абстракции и абсолютных идей к конкретным формам.

Ни одно из указанных выше трех стремлений не достижимо для нас полностью, в абсолютном виде. Действительность может дать нам только лишь относительные доли их, которые, соответственно человеческим требованиям, будут все большими и большими, но никогда не станут абсолютной реальностью, ибо абсолюта нет, а если бы он был, то мы не знали бы что нам делать в обществе, в котором все наши стремления осуществились полностью. С точки зрения нашего идеала, с точки зрения цели, к которой мы стремимся, свобода, экономическая независимость, суверенитет личности, которые мы завоюем, всегда будут, поэтому, неполными и недостаточными. Вследствии этого, мы, анархисты, будучи революционны по темпераменту и по убеждению, логически будем первыми, которые не согласятся с новым обществом, и первыми разочаровавшимися в свободном коммунизме. Только таким образом мы, анархисты, останемся гарантией того, что эволюция не преостановится и что первые недостатки будут немедленно устранены, как только будут обнаружены и познаны. Мы, защитники **свободного коммунизма,** сегодня стараемся преодолеть задерживающие его силы и силы, которые стремятся препятствовать ему и предотвратить его приход. Но мы же будем одними из первых, которые будут менее удовлетворенными и первыми разочаровавшимися в нем, ибо он не сможет дать нам сразу ни свободы, ни экономической независимости, ни суверенитета личности, что именно и составляет наш идеал.

Мы хотим быть строителями нового общества, поэтому мы должны придать нашей программе конкретную форму, установить минимум свободы, экономической независимости и суверенитета личности, который мы пред'являем к системе **свободного коммунизма.** В противном случае, если бы мы продолжали оставаться в области созерцания идеального совершенства, не шли бы на компромиссы и не принимали бы ничего, что меньше совершенства, о котором мы мечтаем, мы были бы обречены на бесплодность и мешали бы попыткам тех, которые более умеренны и менее требовательны при превращении воображаемого в ощущаемое.

Свобода — это возможность распоряжаться самим собою с наивозможно меньшим ограничением и принуждением. Впрочем, имеются люди, которые определили бы свободу, как возможность делать что им нравится или поступать по собственному капризу. Я говорю с наивозможно меньшим ограничением потому, что наша свобода уже ограничена природой, нашим собственным невежеством, нашей слабостью, свободой других и необходимостью жить сообща с себе подобными, т. е. общественной жизнью. Общественный инстинкт ведет нас к жизни группами, ибо в целях обезпечения пищей, одеждой, жилищем, удобствами, в целях обеспечения защиты от опасностей и от стихии мы вынуждены кооперировать с другими. С этой стороны наша свобода по необходимости должна быть ограничена и обусловлена нормами общественной жизни.

Относительная и минимальная свобода, к которой мы страстно стремимся и которую мы требуем от свободного коммунизма, есть ничто иное как свобода действовать по собственной инициативе во всем, что не противоречит интересам целого. Мы соглашаемся, таким образом, на ограничение нашей свободы в интересах общественной жизни, но мы всегда готовы и преисполнены желанием борьбы за то, чтобы не потерять ни иоты больше, чем это абсолютно необходимо. В этом добровольно принятом самоограничении лежит опасность злоупотребления властью и зародыш авторитаризма, и мы чувствуем, что, в целях предотвращения этого, необходимо уничтожить государство и все другие институты, которы наделены правом употреблять власть и определять степень ограничения нашей свободы.

Экономическая независимость есть возможность удовлетворения потребностей в размере, допускаемом областью или местностью, без каких либо других обязанностей кроме участия в производстве в соответствии с индивидуальной способностью. Не должно употреблять силу экономического принуждения к кому бы то не было, чтобы заставить его поступать указанным образом, т. е. отказывать ему в хлебе, одежде, жилище, иными словами, в жизненных припасах. Все же, отказывая в довольстве, в роскоши и в удовольствиях тем, которые по собственному желанию отказываются принимать участие в производстве, мы принимаем экономическое принуждение. Здесь, в этом ограничении нашей общей независимости, мы также делаем компромисс, ибо это логично и необходимо для экономической жи-

зни целого. Наши экономические возможности возрастают, когда мы живем общественной жизнью, которая позволяет нам довольствоваться некоторыми удобствами и роскошью, что было бы невозможно при изолированой жизни индивида. Они возрастают с индустриализмом, который также ограничивает индивидуальную свободу.

Суверенитет личности есть самоконтроль без подчинения какой бы то не было внешней власти, в общественной жизни он обусловлен необходимостью организации экономии и ограничен коллективным суверенитетом.

Коллективность или коммуна, как группа личностей, об'единившихся для достижения данной цели, представляет единицу, составные части которой вынуждены урезать свою автономию, хотя бы потому, что каждый индивид подчинен интересам благополучия целого. Соединение индивидов в коллектив происходит (делается это в целях удобства) для удовлетворения индивидуальных интересов и для защиты общего интереса. Каждый индивид должен отдать часть своего суверенитета или полную свободу и совокупность этих частей составляет коллективный суверенитет. В митинге мы имеем пример гармонии коллективного суверенитета, который необходим для экономного сооружения коллективности, с личными суеверенитетами. Эти личные суверенитеты находят случай проявить себя и оспаривать свою ценность, как оппозиция, в борьбе с другими или с коллективным суверенитетом. Свободное собрание и дискуссия позволят свободно установить равновесие, которое прочно, постоянно и действительно.

Эти три стремления, будучи полностью приложены, ведут к анулированию общественной дисциплины и подавления составных частей союза, которые необходимы для построения и организации коллективной жизни, такой жизни, какую необходимо продолжать сегодня в нашем климате, если индивиды желают иметь благоприятные условия жизни. Они должны подчиниться некоторым условиям и ограничить себя в виду необходимости организации общественной жизни, в виду умственной отсталости и наследственного балласта рабства, от которого страдает человечество.

Будучи анархистами, мы должны жить с не анархистами, в ком еще не проснулась критическая мысль. И именно потому, что заражающееся общество требует того, и потому, что мы знаем, что не можем получить все, мы и соглашаемся с этими ограничениями наших стремлений — временное соглашение, которое ни в каком случае не связывает или компромитирует будущее.

Исаак Пуэнте.

От редакции. Исаак Пуэнте, доктор по профессии, выдающийся теоретик испанского анархизма. Он не кабинетный философ, а активный борец за анархизм, пропагандист и агитатор, человек с необычайно плодотворным умом. Многие свои работы Пуэнте написал, находясь в тюрьме. Его листовки и брошюры распространялись среди испанских рабочих сотнями тысяч и читались ими охотно, потому что они написаны ясно, сильно и простым, понятным всем языком.

ГДЕ ЖЕ ОНИ?

Настоящее время, — время экономического кризиса, безработицы, дезорганизации рабочих и упадка капитализма; время измельчания и измены принципу освобождения трудового люда от гнета капитала и власти со стороны государственного социализма и коммунизма, спешащих услужить погибающему капитализму и его детищу — фашизму — есть самое подходящее и удобное для успешного распространения идей анархизма, т. е. идей полного и всестороннего освобождения угнетенного и порабощенного трудового люда. В это время необходимо возвысить голос анархизма, так, *чтобы он был услышен не только отдельными единицами, но и огромными массами рабочих, в особенности безработными.* В такое время всем нам, анархистам, как *простым труженикам,* так и *интеллектуальным работникам,* необходимо усилить работу и печатную пропаганду. Нам необходим солидный, литературный, теоретический орган, в которм мы могли бы вести не только пропаганду, но и всестороннюю научную разработку наших анархических идей и в котором помещались бы статьи по разнообразным вопросам анархизма, а не только по синдикализму, коммунизму и т. п.

Не только рабочим, но и нам анархистам из рабочих, необходимо изучать его со всех сторон, во всех деталях и разветвлениях, дабы не блуждать среди идеологического леса и не быть сегодня „платформистом“, завтра „синдикалистом“, после завтра „коммунистом“, а хорошо изучивши анархизм и обдумав его, стать на одну определенную дорогу, которая вела бы без всяких зигзагов к определенной цели — к освобождению нас самих, а не каких либо наших идолов. Таким органом, по моему мнению, вполне может служить „Дело Труда“, издающееся в Чикаго нашей анархической федерацией Америки и Канады Правда, „Дело Труда“ в прошлом, и в настоящем, не мог и не может удовлетворить этим запросам, *так как он был, и есть теперь, слишком односторонним по составу своих сотрудников и по содержанию.* Раньше мне казалось, что причиной этой односторонности был П. Аршинов, настойчиво проводивший идеологию сво-

его узкого полуавторитарного „платформизма", из за которого многие наши интеллектуальные силы не соглашались в нем сотрудничать, но теперь я увидел, что я глубоко ошибался. С переходом журнала в Америку и с устранением от него П. Аршинова, представилась возможность принимать в нем участие всем желающим анархистам. И, однако, к великому сожалению, *никто из них до сих пор не сказал в нем гу-гу. (Это утверждение, конечно, преувеличено. Из русских писали и, надеемся, будут писать А. Шапиро, Волин и др., из иностранных товарищей — Рокер, Зухи, Герхард, Даллас и др. — Ред.)* Естественно является вопрос — где же они? Мне скажут, что у нас мало интеллектуальных сил, да и то в большевистских казематах и в ссылке. Прекрасно знаю это, но где же те из товарищей, которые заграницей, вне России, имен их не буду называть. *(Одни больны, другие задавлены нуждой и не имеют времени. — Редакция).* Правда, один из них, Волин, дал пару статеек „О нашей слабости" и замолчал, даже не закончил то, о чем начал писать. А ведь в настоящее время следовало бы *писать и писать, говорить и говорить,* наипаче анархистам.

Может быть кто нибудь из товарищей мне заметит, что редакция „Дела Труда", наверное никого из тех анархистов, которых я имею в виду, не приглашала сотрудничать. Если так, то я не оправдываю за это редакцию, *(Это не так. — Редакция),* но со своей стороны я скажу, что некоторые из этих анархистов несомненно прочитывают журнал „Дело Труда" и прекрасно видят его односторонность и теоретическое убожество, в смысле полного и всестороннего анархизма. *(Желательно знать, что это за „полный, всесторонний анархизм"? Индивидуализм, может быть? Если последний, то журнал всегда будет страдать „теоретическим убожеством". — Ред.)* Они видят, что журнал отражает, главным образом, только повседневную жизнь и заполняется статьями, скорее газетного, а не журнального характера, статей же теоретического и дискуссионного характера по анархизму в нем очень мало, и некоторые из них устарелые, принадлежащие перу давно умерших теоретиков анархизма. *(Большое противоречие: если журнал будет только теоретическим и дискуссионым, то голос анархистов будет услышен ТОЛЬКО отдельными единицами, НО НЕ МАССАМИ, чего вы хотите; массами же он будет услышен тогда, когда журнал будет отражать повседневную жизнь и освещать ее анархическим светом, а этого вы не хотите, критикуете за это журнал. Дальше. Вы хотите, чтобы все анархисты и рабочие изучали анархизм „со всех сторон, во всех деталях и разветвлениях" и в тоже время протестуете против „устарелых" статей „давно умерших теоретиков анархизма", имеете в виду Кропоткина. Рекомендуем изучить Кропоткина на зубок, тогда не будете говорить об устарелости „давно умерших теоретиков анархизма". Верное старое — лучше ложного нового. — Редакция).*

Между тем, время требует слова и мысли тех людей, которые живут в настоящее бурное, революционное время, переживают современные события и потрясения и выводят из них свои суждения и заключения. *(Правильно, это очень необходимо, мы этого добиваемся, но когда в журнале появляются эти „суждения и заключения", журнал неизбежно начинает отражать повседневную жизнь. — Редакция).* Мне кажется, поэтому, что подлинным анархистам не следовало бы сидеть сложа руки и ожидать когда их позовут в сотрудники, а сами должны взяться за дело ради проведения своего идеала в жизнь. *(Верно, страницы журнала всегда открыты для них. Ред.)* Ожидать просьб и гонораров теперь не время. Это не будет благотворительностью с их стороны, а будет борьбой за воплащение в жизнь идеала анархизма. Одно это дает уже принципиальному человеку духовную награду, которая лучше всякого материального вознаграждения, заключающегося в жалких, мизерных грошах. Лучшего и высшего гонорара для всех нас не может быть как проведение и осуществление анархизма в жизни, для этого мы должны работать не покладая рук и претерпевать некоторые лишения в жизни. Я знаю и понимаю, что всем нам, прежде всего, нужно жить, а для этого нужны материальные средства, но я также понимаю, что будем ли мы работать на дело анархизма или нет, мы, все равно, должны, так или иначе, жить, поэтому, всем нам, труженикам физического и умственного труда, следует уделять хотя бы маленькую частицу своих сил на пропаганду и изучение анархического идеала и тогда ни у кого из нас не появился бы вопрос по отношению к другим — где же они, а трудились бы все вместе на ниве анархизма, *создали бы журнал с глубоко-обдуманными и выдержанными статьями теоретического, критического и дискуссионного порядка.*

Надеюсь, что мои слова не останутся гласом вопиющего в пустыне, а будут услышены всеми теми, кому дорог анархизм.

Ф. Лукьянчук.

Вопрос поставлен не верно. Вся беда журнала — его материальная необезпеченность. Если бы журнал выходил регулярно, то тов. Лукьянчуку не пришлось бы спрашивать — где они? Они были бы здесь, в журнале. Кому охота писать для журнала, когда не знает, выходит ли он, если да, то в какие сроки. Этих сроков не знает и сама редакция. Тов. Герхард присылал обозрения о Германии: пришлет, а журнал вышел, обозрение лежит три месяца, стареет и его приходится выбрасывать. Кому же охота писать для корзины? Приблизительно также обстоит и с другими. А писать не так-то легко. Писательство отнимает много времени, затем написанное нужно отослать за свой счет. При материальных условиях наших писателей, все это является огромным бременем и жертвой и в результате напрасной, п. ч. материал, из-за нерегулярности выхода журнала, стареет и выбрасывается. Надо журнал обеспечить материально, надо чтобы он выходил ежемесячно. Вот, тов. Лукьянчук, если в этом отношении вы могли бы помочь, то дело было бы в шляпе.

Редакция.

Просьба ко всем товарищам усилить распространение „Дела Труда" в наступающем сезоне среди российской трудовой колонии. Собирайте пожертвования, устраивайте предприятия, корреспондируйте о местных условиях жизни рабочего класса и его борьбе с капиталом и властью. Словом, старайтесь делать на местах все то, что по вашему разумению может расширить и укрепить наше общее „ДЕЛО ТРУДА". Только таким способом мы сможем перейти от не периодического к регулярному выпуску нашего органа.

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

К пролетариату всего мира

Героическая борьба испанских рабочих против фашизма привлекла к себе внимание всего мира.

События, имевшие место в Испании в первые числа декабря, выдвинули испанских рабочих в первые ряды великой борьбы против фашизма и его разрушительных целей.

Капитализм во всех странах переживает ныне самый критический период. Известно, что его институты разбиты и что он сам близок к полному падению. В отчаяние капитализм бросился к фашизму, ища в нем спасения. Это — его последняя соломинка, подающая надежду. Агрессивной политической реакцией и жестокими анти-рабочими методами капитализм пытается продолжить свое царство угнетения и эксплуатации. Борьба с фашизмом в каждой стране является, поэтому, жизненной необходимостью для каждого рабочего во всем мире, для пролетарских масс всех стран.

Пример данной испанскими рабочими, должен быть принят к сердцу каждым мужчиной и каждой женщиной из рабочих. Этот пример, являющийся лишь прелюдией к грядущей более великой революционной битве, был необходим особенно для тех стран, где огромные рабочие массы, введенные в заблуждение своими предательскими и трусливыми вождями, безропотно и без сопротивления подчинились варварскому игу фашизма.

Революционные рабочие Испании, солидарно организованные в Н. К. Т. и воодушевляемые идеалами анархо-синдикализма и его методами борьбы, продемонстрировали перед рабочими всего мира наиболее действительные средства сопротивления фашизму и поражения его реакционных намерений.

Трагично и знаменательно, что фашизм так легко восторжествовал в странах, где имелись миллионы социал-демократических и коммунистических избирателей... огромные массы воспитывались в духе повиновения и парламентаризма и тем самым потеряли всякую инициативу и энергию к действию, когда действие стало необходимым. Какая разница в Испании! Там анархо-синдикалистские рабочие, пропитанные духом рабочей солидарности и массового действия, начали открытую борьбу с фашизмом в тот момент, когда он поднял голову в стране. В Испании, также как в Германии и в Австрии, **политические** рабочие организации, ведомые политиканами и демагогами, толковали о „сотрудничестве" с буржуазией в то время, когда враг вырабатывал план уничтожения рабочих. Не таковы анархо-синдикалистские элементы. При первом признаке фашистской опасности Н. К. Т. мобилизовала революционные рабочие силы для действия против врага.

Действительная борьба, ведшаяся анархо-синдикалистскими массами Испании в течении дней с 8 по 14 декабря, показала рабочим во всех частях страны как мелочен, ничтожен, опасен и бесполезен весь выборный обман. Результатом этого было то, что социалистические рабочие в различных округах Испании теперь требуют от своих лидеров изменения методов и тактики в направлении подлинного революционного действия.

Анархо-синдикалистские рабочие силы Испании об'явили войну фашизму в тот момент, когда он только стал проявлять себя в стране — они не ждали до тех пор, пока он станет сильным, конечно, может быть революционными рабочими там и сям делались ошибки и допускались ошибочные суждения, но в критический момент, когда требуется действовать, лучше действовать, рискуя наделать ошибок, чем выжидать в бездействии и рабски сдаваться врагу.

Н. К. Т. и революционные анархо-синдикалистские массы, которые она представляет, вышли из борьбы более сильными и энергичными, чем когда бы то ни было. Декабрь был революционным крещением, так сказать. Еще большая борьба впереди и подготовка к ней — требование часа.

Рабочие мира не могут быть введены в заблуждение лгущей капиталистической и фашистской прессой, трубящей о победе над революционными силами — в результате последних событий Н. К. Т. приобрела больше силы, больше рабочей солидарности и поддержки: почти все ее местные и областные организации продолжают работать, пусть „нелегально" и подпольно. Принесенные жертвы только воодушлевляют к грядущим революционным битвам с большей энергией, с большей определенностью и с большим опытом.

Дружественное фашизму правительство **Лерру, конечно,** поспешило декретировать самые жестокие меры подавления Н. К. Т. и революционных рабочих организаций. Власти закрыли главные конторы рабочих организаций, об'явили их „вне закона",

много арестовали и закрыли анархо-синдикалистскую прессу. Буржуазные газеты поносят рабочих, распространяя самую дикую клевету и обвиняя их во всех доступных воображению преступлениях, но испанский пролетариат не может быть обманут такой тактикой врага.

Массы остаются верными Н. К. Т. и ее борющимся организациям. Это было поразительно подчеркнуто событиями в гор. **Коронье.** Реакционный губернатор „подавил“ все местные анархо-синдикалистские организации, арестовал безчисленное количество приверженцев и об'явил распущенными все революционные организации, но он оказался бессильным подавить всеобщую забастовку строительных профессий и жизнь города была парализована. В конечном счете губернатор вынужден был договариваться с внезаконной, „несуществующей“ Н. К. Т. Этот случай, являющийся одним из многих, иллюстрирует жизненность Н. К. Т. и верность ей рабочих масс Испании. Такая организация и ее влияние — лучшая преграда распространению фашизма. Это теперь понимается и социал-демократическим пролетариатом Испании, а также и реформистскими организациями, которые требуют более тесного сотрудничества с революционными организациями. Это также является наиболее полезным уроком для рабочих всех других стран, уроком, показывающим действительность анархо-синдикалистских принципов и методов в сравнении с тщетной и парализующей тактикой парламентаризма и избирательного обмана.

Фашизм не восторжествует — в Испании! Таково решение революционных испанских рабочих. Может быть их пример воодушевит другие страны. Может быть он превратится в могущественную народную волну, которая смоет с лица земли фашизм, гитлеризм и всю реакцию.

Да здравствует Н. К. Т., революционный авангард против фашизма!

Да здравствует солидарность международного пролетариата против фашизма во всем мире!

Да здравствует Социальная Революция!

Секретариат Международного Товарищества Рабочих.

Декабрьские революционные события в Испании

(М. Т. Р.) Огромное число рабочих, достигающее сотен тысяч, — все принадлежат к Нац. Конф. Труда—отказались принимать участие в парламентских выборах 19 ноября и 3 декабря прошлого года. Результатом этого была победа правых, т. е. плутократии и крупных земельных собственников, и анархических элементов.

Два года убийственного господства „левого“ правительства привело к тому, что огромные массы рабочих оставили все политические партии, как правые, так и левые; они были совершенно безразличны к выборам, но они решили начать энергичную борьбу против всякой попытки фашистов захватить контроль над страной.

Реакция была очень удивлена своей неожиданной победой. И действительно, ее лидеры даже заявляли, что „их время еще не настало“. Однако они немедленно усилили свое влияние на правительство, которое еще находилось у власти; последнее, претендовавшее на либерализм, выявило готовность подчиниться реакционным элементам, наметив драконовские меры против рабочих. Революционные издания были подвергнуты сильной цензуре и конфискации, бастующие транспортные рабочие Барселоны жестоко преследовались и, наконец, ежедневная анархо-синдикалистская „Рабочая Солидарность“, официальный каталонский орган Национальной Конфедерации Труда, был окончательно закрыт. Эти методы правительства, да плюс чувство горечи от победы реакционеров, подняли рабочие массы. К тому же правительство провозгласило знаменитую „охрану государства“, что означало устранение конституционных гарантий. Перед лицом этой атаки на демократические принципы и в предвидении неизбежной опасности фашизма, областные отделы Н. К. Т. в **Арагоне, Риоха** и в **Наваре** решились на восстание, как первый шаг в борьбе с фашистской угрозой.

8 декабря, ночью, началось восстание в городах и в деревнях района Арагоны. В течении нескольких дней рабочие и крестьяне доблестно сражались против военной силы государства. В **Арагоне, Риохе, Каталонии, Галисии** и **Леоне** революционеры провозгласили **свободный коммунизм,** демонстрируя тем самым свой идеализм и сознание общественных задач.

Во многих городах и деревнях революционеры одерживали победу над более многочисленными и лучше вооруженными правительственными силами. Но эти победы были временны, они имели место до тех пор, пока правительство не прибегало к тяжелой артиллерии, танкам и военным аэропланам. Рабочие всей страны следили за геройской борьбой арагонского пролетариата против сил государства с вели-

чайшей симпатией и бесспокойствием. В целях поддержания революционных рабочих была об'явлена всеобщая революционная стачка самыми важными организациями Н. К. Т. в **Галисии, Астурии, Леоне, Валенсии, Аликанте и Андалузии.**

Восстание расширялось, увеличивалось число городов и деревень, провозгласивших свободный коммунизм; среди них были: **Гаро, Брионес, Сан-Асенсио, Фуенмайор, Сенисеро, Сан-Висенте де ля Сонсиерра, Арнедо** и **Лябастида.** Весь **Верхний Арагон** и **Хуэска** последовали их примеру. Рабочие также были господами положения в **Галасанце, ля Наха, Алкала де Гурреа, Беллвер, Алколеа де Синка** и **Вилланова де ля Сигена;** в других местах, как, например, **Алканиз, Каланда Мас де лос Матас, Алькориза** и **Валдерробрес,** жандармерия была обезоружена и арестована.

9-го декабря правительство провозгласило по всей Испании „состояние опасности", но повстание продолжалось. В **Сарагоссе** сильная уличная борьба продолжалась четыре дня, рабочие завладели южной жел. дор. станцией и большим „Бульваром Независимости" и предприняли штурм правительственного здания, которое напоминало военный форт в действии.

В **Барселоне** Н. К. Т. об'явила всеобщую стачку. В **Госпиталите,** пригород Барселоны, члены Н. К. Т. захватили общественные здания, сожгли архивы и записи, касающиеся частной собственности и долгов, об'явили свободный коммунизм и издали манифест, часть которого читается следующим образом: „Час революции настал. Долгожданный угнетенными момент раз и навсегда положит конец эксплуатации и вырождению трудящихся масс. Мы на пороге безвластного, свободного коммунизма. Все революционные рабочие призываются присоединиться к великому вооруженному восстанию пролетариата за конечное освобождение. Мы обращаемся к женщинам в их домах, к рабочим в фабриках и мастерских, к молодежи на улицах: об'единяйтесь все до единого под знаменем Национальной Конфедерации Труда и Анархической Федерации Иберии!

Наша первая цель — уничтожить организованное насилие и силу государства. Оружие в руки рабочих — это единственная гарантия свободы. С устранением государства все граждане будут иметь равные права.

Все дела переходят под контроль районных комитетов, уполномоченных распределять продукты и организовать снабжение города продовольствием.

Чтоб сохранить собранные с рабочего населения богатства, банки переходят в распоряжение революционных комитетов. Деньги упраздняются.

Да Здравствует Национальная Конфедерация Труда!

Да Здравствует Анархическая Федерация Иберии!

Да Здравствует Свободнический Коммунизм!

Да Здравствует Социальная Революция!"

10 декабря правительство послало в революционные районы больше войска и военных припасов. Революционная всеобщая стачка была об'явлена в **Корунье, Гихоне, Леоне** и в угольном районе этой провинции.

В центре страны, в **Навальмораль де ля Мата,** вспыхнуло народное восстание, затем начались забастовки в **Гренаде, Кадиксе, Алжезирасе, Альмерии, Кордове, Бухалансе, Алькое, Эльче, Аликанте** и **Валенсии.**

В **Лейдосе, Сан-Педро де Нос** и **Вузас,** как и в Галисии, рабочие и рыбаки все захватили в свои руки и водрузили на общественных зданиях красно-черные знамена Национальной Конфедерации Труда.

В **Гренаде** было сожжено несколько церквей и монастырей. Всеобщая стачка распространилась на **Гихон** и **Фуэльгера,** провинция **Астурия.** Но правительственные войска все время получали подкрепление и при помощи пулеметов, танков и военных аэропланов восстание в **Арагоне** постепенно было подавлено.

11 декабря ожесточенная борьба все еще продолжалась в **Сарагоссе;** в угольном районе **Леона** рабочие захватили самые важные шахты в **Фаберо, Фонферрода** и **Биерцо.** В **Мадриде** взорвались бомбы.

Революционные рабочие организации старались повлиять на лидеров социалдемократических рабочих организаций, чтобы последние присоединились к революции. Пред ними настаивали, что, если они сделают это, то деятельные элементы вне пролетарского движения также приняли бы участие в восстании, но все было напрасно. Социал-демократы опубликовали в своей прессе воззвание, призывающее их организации не принимать участия в движении.

Это дало моральную силу и укрепило энергию реакционных сил: правительство почувствовало себя ободренным. С этого момента революция начала падать. 14 января Н. К. Т., после об'единенного заседания с районными представителями, постановила выпустить призыв, к примыкающим к ней рабочим союзам, кончить вооруженное сопротивление, оставить всеобщую забастовку и вернуться на работу. В самый последний день несколько молодых анархистов еще пытались захватить военные барраки в **Мелилле,** фор-

товый город в Северной Африке. Настроение в стране продолжает быть таким же революционным, как и раньше. Неудача вооруженного восстания не обескуражила пролетариат Испании. События последних недель являются как бы прелюдией к грядущей большей и более плодотворной революции.

Все рабочее движение Испании чувствует, что лидеры социал-демократов предали рабочих. Во время выборов они очень много говорили о торжестве социальной революции, но когда революция действительно пришла, они повернулись против нее. Бывший социал-демократический министр Приэто, говоря в парламенте от имени своей партии повернулся к скамьям крайне-правых и заявил: „Вы едва-ли можете себе представить, как тяжело мы работали, чтобы держать массы на привязи и удержать их от участия в революции".

Нет никакого сомнения, победоносная реакция вознаградит социал-демократов за их услугу, но это же обнадеживает, что социал-демократические рабочие массы прозреют и об'единятся с революционным пролетариатом в грядущей революции.

Торжествующая реакция.

Прваительство не теряет времени в подавлении революционных элементов. За запрещением в Барселоне „Рабочей Солидарности", последовало запрещение ежедневного официального органа Н. К. Т. „C. N. T.", выходившей в Мадриде. Главная контора и залы для митингов Нац. Конф. Труда закрыты по всей стране. Число арестованных рабочих превышает 20,000 человек, тюрьмы переполнены пролетариями. Число убитых революционеров очень большое, но точная цифра до сих пор неизвестна. В маленьком городке, **Бахалансе,** провинция Кордова, жандармерия самым хладнокровным образом убила 12 рабочих.

В другом месте три наших товарища были убиты при отправке в тюрьму — их тела были найдены с руками закованными в кандалы. Жестокость Гражданской Гвардии — безгранична и убийства арестованных, под предлогом „попытки к бегству", стало ежедневным явлением. Реакция пытается устрашить рабочих самым худшим видом жестокости. Во многих местах страны были наказаны целые деревни, каждый житель, исключая, конечно, попов и полицейских, были арестованы. В **Туруэле, Гуэска, Лограньо, Гихоне, Корунье, Барселоне, Гренаде, Валенсии** и **Мадриде** сотни пролетариев брошены в тюрьмы. Так называемые „скорые суды" работают сверхурочно, даже по воскресеньям, и отправляют рабочих в тюрьму; как правило, за самое незначительное сопротивление, выносят приговоры от 10 до 20 лет тюрьмы, кстати, следует заметить, что эти „скорые суды" были введены социал-демократами, как и специальный „закон общественной безопасности", который отменил все конституционные гарантии. Реакция теперь открыто заявляет, что она покончит с революционным движением.

Первым шагом в этом направлении является попытка разрушить анархо-синдикалистские организации Испании, но даже самые консервативные элементы понимают, что правительство спотыкнется на этом! Дух анархо-синдикализма слишком глубоко укоренился в сердцах испанских масс и революционное пламя рабочих не может быть загашено преследованиями, как бы оно не было жестоко и варварски.

Несмотря на жестокие меры, пущенные властью в ход, „упраздненные" синдикалистские организации продолжают работать даже нелегально и подпольно. Поразительная иллюстрация революционной энергии и жизненности была дадена в **Сарагоссе,** где, после подавления восстания, несмотря на то, что город был занят правительственными войсками, несмотря на введение военного положения, несмотря на то, что 2,000 рабочих были захвачены и брошены в тюрьму, несмотря на повальный обыск из дома в дом, местная федерация Н. К. Т. имела полное заседание и, рискуя жизнью, написала, отпечатала и выпустила свою последнюю прокламацию к революционному населению!

Как работают „скорые суды" можно судить по следующим данным, приводимым в № 175 „Бюллетеня"" М. Т. Р. (немецкое издание).

В первые 25 дней, от 14 декабря 1933 г. по 13 января 1934 г., они осудили ни больше, ни меньше как 1160 рабочих на 2812 лет тюрьмы в общей сложности. Имеются приговоры на 12, 13, 23 и 30 лет тюрьмы!

---

9 января в Барселоне арестован член секретариата Международного Товарищества Рабочих тов. **Евсевий Карбо.**

Вся пресса Н. К. Т. закрыта, однако с начала января нелегально стала выходить газета „Революция". Эта газета выпускается в 20,000 экземплярах!

Группы и отдельные лица, желающие принять активное участие в кампании за освобождение политических заключенных в России, могут заказать через нас открытки (2.25 или несколько больше за 1000) для распространения и посылки в Исполком Советов,

Фашизм и Австрийская социал-демократия

(М. Т. Р.) За Германией Австрия. Как это не невероятно, но австрийская социал-демократия продолжает игнорировать урок Германии, несмотря на факт установления в стране фашизма итальянского образца.

Премьер Доллфус решился на борьбу против Гитлера в целях укрепления своей собственной диктатуры. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать что случится с рабочим движением Австрии. Социал-демократические лидеры Австрии делают тоже самое, что делали их собратья в Германии до 5 марта: они издают протесты, прокламации и заявления, угрожая сделать то и это в случае „установления“ диктатуры. В тоже время парламент был послан домой, введена цензура на социалистические издания, легализованы вооруженные отряды „Гаймвера“ и незначительные „завоевания“ революции были совершенно уничтожены. Свободы печати и собраний в действительности были отменены, подготовлялись меры ограничения деятельности рабочих союзов. А австрийская социал-демократия продолжала ожидать. Чего?

Нельзя предположить, что австрийская соц.-демократия не знает действительной ситуации, нет, она достаточно хорошо понимает, что совершается в стране и, тем не менее, не предпринимает никаких действий, ограничивается одними словами. Они понимают значение последних речей и поступков Доллфуса, это ясно видно из заявления Фридриха Адлера, секретаря 2-го Интернационала, сделанного им накануне конгресса Рабочей Партии в Гастингсе.

Адлер в следующих словах характеризовал положение дел в Австрии:

„Под прикрытием борьбы против Гитлера, Доллфус подавляет демократию в Австрии и превращает страну в фашистское государство. В течении последних 6 месяцев (1933 г.) он неуклонно и систематически подкапывал все укрепления демократии. С 7-го марта (1933 г.) не созывался парламент. Правительство определенно игнорирует и нарушает конституцию... Наша пресса цензурируется гораздо хуже чем во время войны в дни абсолютизма. Каждая рабочая газета должна, за несколько часов до выхода, представить свои страницы в цензуру и очень часто случается, что газета конфискуется несмотря на то, что она прошла через цензуру. Публичные собрания запрещены. Если рабочая организация созывает конференцию, то на ней должны присутствовать только те, которые предварительно получили личное письменное приглашение. Социалистические депутаты парламента лишены права выражать свои мнения в своей прессе: наши газеты или подавлены или из них выбрасываются „неподходящие“ статьи. — Все конституционные гарантии отменены и правительство в действительности стало диктаторским... Пусть никто не воображает, что идеология Доллфуса отлична от идеологии Гитлера. Некоторые думают, что австрийский фашизм никогда не будет повинен в варварстве совершаемом германскими наци. Тот, кто пробавляется такими иллюзиями будет разочарован самым горчайшим образом... Чтобы доказать, что оно отлично от гитлеризма, правительство Доллфуса недавно опубликовало, что в Австрии нет концентрационных лагерей, 23-го сентября 1933 г. в нашей стране эти концентрационные лагери были введены. В Австрии очень небольшое число коммунистов, следовательно, это означает, что концентрационные лагери предназначены для социал-демократов“.

Но что австрийские социал-демократы делают в этой обстановке? До сих пор они ничего не делали. Правда, Адлер заявил, что всеобщая забастовка — оружие, которое рабочий класс успешно применит к диктатуре Доллфуса и растущей тирании. Но до сих пор ничего не было предпринято, исключая разговоров. В тоже самое время фашизм распространяется в Австрии и режим Доллфуса укрепляется и становится более неограниченным.

Наступило время **действия,** но идеология и прошлая история марксизма — как немецкой так и австрийской социал-демократии— не внушает много надежд на революционное решение и энергию в этих штабах. Наоборот, мы очень боимся, что бельгийский делегат парижского конгресса (1933 г.) Рабочего Социалистического Интернационала сказал правду. „Опыт показал, сказал он, что германская социал-демократия решила действовать „в рамках законности“ до последнего момента, а когда она поняла насколько такое решение было фатально, она уже не имела ни силы, ни энергии для борьбы“.

Может быть, пока это не поздно, австрийская социал-демократия учтет немецкий урок.

От редакции. — Кровавые события, разыгравшиеся в Австрии 12—14 февраля с. г., говорят о том, что австрийская социал-демократия ничему не научилась на германском примере. Доллфус затопил страну рабочей кровью и усеял улицы больших городов Австрии трупами рабо-

чих. Мы снимаем шапку перед мужественными борцами, — рабочими Вены и др. городов, — павшими на поле социальной брани смертью храбрых. Но мы должны сказать, что в этой кровавой бане в одинаковой мере повинны как правительство Доллфуса, так и австрийская социал-демократия, может быть последняя дже в большей степени, ибо она своим поведением поставила пролетариат в такое положение, при котором он неизбежно должен был потерпеть ужасное поражение. Марксизм, его централизация, банкротится повсюду и это банкротство стоит международному пролетариату огромных жертв и сопровождается потерей всех завоеваний. Из всего этого рабочие должны сделать один вывод: тактика прямого революционного действия и федералистическая организация, которые проповедывались Бакуниным и ныне осуществляются Международным Товариществом Рабочих—единственные способы, ведущие к победе над буржуазией и государством.

Национальная конфер. японских секций М.Т.Р.

(М. Т. Р.) Благодаря реакционной волне, которая нарастает в Японии с каждым днем, наше движение переживает тяжелое время. Годичный конгресс примыкающих к нам союзов, который должен был состояться в апреле прошлого года, был запрещен. Все издания, включая каждый номер нашего официального органа „Рабочая Газета“ и месячный журнал „Под Черным Знаменем“, подавлялись и конфисковались и все наши попытки быть осторожными на словах, чтобы пройти какнибудь через цензуру, кончались полной неудачей. Поэтому случаю мы были вынуждены продолжать нашу деятельность главным образом подпольно. Не имея возможности открыто и легально созвать конгресс, мы созвали нелегальную национальную конференцию, которая состоялась 17-29 июня 1933 года. На конференции, несмотря на страшные трудности, присутствовали делегаты из Токио, Осаки, Кобэ, Нагойя и Ниигата. Конференция, обсудив об'ективное и суб'ективное положение нашего движения, единогласно постановила об'единиться со Свободной Национальной Федерацией Профсоюзов, — другая анархосиндикалистская организация, существовавшая параллельно нашей. Делегаты выразили симпатию Международному Товариществу Рабочих, которое так мужественно ведет борьбу против властнических 2-го и 3-го Интернационалов и высоко держит знамя безвластной, свободной и автономной мировой солидарности революционных рабочих. Были выражены также симпатии Национальной Конфедерация Труда Испании, которая зажгла факел истинного освобождения рабочих. В июле 1933 года, нами, конечно, нелегально была издана по-японски брошюра: „М. Т. Р. — его задачи, цели и принципы“.

Разложение японской компартии

(М. Т. Р.) Публика была очень удивлена декларацией, выпущенной из тюрьмы господином **Сано,** председателем исполкома японской компартии, и господином **Набеяма,** помощинком председателя. В своей декларации они обвиняют **Коминтерн** как игрушку в руках русского правительства и отказываются вести анти-монархическую и анти-военную кампанию, диктуемую Коминтерном. Согласно их новым убеждениям обязанность каждого честного и революционного коммуниста, ввиду „несравненного превосходства японской нации“, сводится к тому, чтобы помогать строительству социалистического общества на национальной основе. Они определяют войну, ведомую Японией против „военных главарей“ Китая и предстоящую войну против Америки, в целях восстановления Азии, как **войны прогрессивные** и они требуют, чтобы рабочий класс принимал в них участие „ с тем, чтобы административная и военная машина могла перейти в руки рабочих и бедных крестьян“. Этот особый анти-интернациональный коммунизм нашел огромный отклик среди членов партии и около 300 видных коммунистов заявили о своем полном согласии с новой доктриной, ввергнув, тем самым, партию в крайнее замешательство.

Примечание редакции. — Что и требовалось доказать. Марксистский Коммунизм, подбно социал-демократии, разлагается и превращается в национал-коммунизм, как в Японии и Германии, или вырождается в деспотизм, как в России, и становится школой для фашизма.

Положение в Болгарии и анархическ. движение

Наши заграничные товарищи мало знакомы с экономическим и политическим положением в Болгарии, при котором приходится работать анархистам. В экономическом отношении правители Болгарии считают ее благодатной страной, которой не коснулся мировой экономический кризис. По официальным статистическим данным 75% населения Болгарии занято земледелием, из которых 57% владеют землей в размере до 50 декаров (10 гектаров), вполне справедливо, поэтому, сказать, что Болгария — страна мелкой собственности. После войны, как и в других странах, под влиянием покровительственного законодательства, значительно усилился темп ее индустриализации — возникло много промышленных предприятий, теперь имеются текстильная, сахарная, трикотажная, парфюмерная и др. индустрии. Однако болгарская промышленность не в состоянии конкурировать с иностранной и, поэтому, искусственно поддерживается специальными законами, ставящими ограничения и преграды для иностранных товаров, вследствии чего болгарская периодическая печать называет ее *„паразитической промышленнстью“*. Независимо от паразитического характера, наша индустрия не может дать работу 400,000 пролетариев города и деревни. На всех улицах и площадях городов встречаются сотни оборванцев и толпы голодных, доведенных до последнего предела отчаяния. В списках „инспекции труда“ значится 100,000 человек, которые вместе с другими, незарегистрированными безработными, лишенными права на помощь, составляют огромную массу в 200,000 обездоленных. По признанию нашей прессы, число безработных достигло „ста тысяч человек“.

Этой страшной экономической действительности вполне соответствует реакционное правительство. Безоглядная и свирепая реакция, незнающая пределов в преследовании, подвергает жестоким репрессиям всякого, кто заподозрен в принадлежности к революционному и анархическому движению. Смертельная ненависть ко всем революционным и прогрессивным элементам и *кровавые расправы*, часто устраиваемые над ними, составляют основной мотив правительственной политики.

Относительно реакционности нашей страны следует сказать несколько слов. Еще до 1908 г. демократическое правительство провело специальный закон против анархистов. В годы предшествовавшие болканским войнам и мировой войне, анархическое движение молчаливо терпелось либеральным и коалиционным правительствами. Этот период сравнительной свободы публичной деятельности, продолжался, с некоторыми перерывами, до 1923 г., который памятен по массовым избиениям и погромам на болгарских анархистов со стороны восторжествовавшего, через государственный переворот, „демократического блока“. Расстрел 30-ти анархистов в Ямболе был кровавым сигналом к страшной массовой борьбе с болгарским пролетариатом, к *опустошительной реакционной буре*, которая разразилась над всей страной. Последовали массовые и индивидуальные избиения анархистов в Горна Джумая, Кюстендиле, Лесковице, Дренове, Сливне и др. местах. Банковский и промышленный капиталы, в целях защиты своих интересов, при помощи правительства демократического блока провели исключительный „закон о защите государства“, об'эктом этого закона было наше движение — закон угрожал смертной казнью всем носителям безгосударственной идеи и организующим анти-государственные общества. Этот закон, унаследованный от правительства демократического блока, продолжает быть *страшным домокловым* мечем, висящим над головой революционного движения. Массовые избиения революционных рабочих, подобные июньским, сентябрьским и августовским 1923 и 1925 годов, были заменены судами, незнавшими жалости к видным и незаметным деятелям революционного рабочего движения и лишавшими свободы на десятки лет. Некоторые были осуждены на смерть и, после восьмилетнего пребывания в тюрьме, были амнистированы; некоторые же и до сих пор томятся в тюрьме. В процессе деятельности наше движение несло непрерывные жертвы. Недавно софийский окружный суд разбирал дело нашего тов. Хр. Колева — редактора нашего журнала „Рабочая Мысль“, — и оправдал. Редактор нашего еженедельника, В. Тодоров, был заключен в тюрьму за напечатание статьи: „Сильное действие“, переведенной из „Энциклопедии“. Тов. В. Тодоров был обвинен в подстрекательстве и призыве к *насильственному ниспровержению* современного строя, суд оправдал его и он был освобожден. Из 57 номеров нашего еженедельника, до сих пор нами изданных, 17 подверглись преследованию и редакторы привлекаются к ответственности по 6 и 7 статьям закона о защите государства. Потери от конфискаций журнала превышают 20,000 левов. Вследствии репрессивной практики высших и низших провинциальных властей. „Рабочая Мысль“ часто не попадала по назначению и не доходила до читателей Наш еженедельник наиболее преследуемый в Болгарии. Наши организации преследуются сильнее, чем все другие общественно-революционные организации. И все же, вопреки бесчисленным посягательствам на наше издание и непрестанным репрессиям по отношению к нашим товарищам, болгарское анархическое движение за последние годы достигло некоторых значительных успехов в организации и ориентации. Оно прошло через огонь *бурного идейного кипения*, оно изжило ревизионистские и чисто синдикалистские увлечения, брожение закончилось полным и целостным возобновлением и возрождением анархо-коммунистического движения в Болгарии.

Г. КАРАМИХАЙЛОВ.

В Союзе Советских Социалистическ. Республик

„ФАКТЫ ГОВОРЯТ, ЧТО МЫ УЖЕ ПОСТРОИЛИ ФУНДАМЕНТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В СССР И НАМ ОСТАЕТСЯ ЛИШЬ УВЕНЧАТЬ ЕГО НАДСТРОЙКАМИ, — ДЕЛО, НЕСОМНЕННО, БОЛЕЕ ЛЕГКОЕ ЧЕМ ПОСТРОЕНИЕ ФУНДАМЕНТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА"

И. СТАЛИН.

Положение в России в 1933 г. по письмам рабочих и крестьян.

Уважаемый товарищ Самуил.

....

....

..........Оставим разговор о личных делах, начну про интересующие тебя вопросы.

1-ый — О ШАХТЕРАХ. Надо тебе знать, что у нас печать в руках государственного аппарата и такие вещи, о которых ты пишешь, в печать допустимы ни в коем случае быть не могут, потому что это могло бы стать примером и для других и, если сам не видишь, знать о забастовках не будешь. Я долго думал над этим вопросом, довольно сложным тем, что для такой цыфры нужна какая нибудь сговоренность, а эту работу провести очень трудно, прямо невозможно, потому что профорганы, партийная организация, комсомольская, Г.П.У. за этим зорко следят и какие бы то ни было организации, возникшие помимо воли вышеупомянутых органов, немедленно будут расскрыты и подавлены в своем зародыше. Еще надо тебе намотать на ус, что у нас профорганизация не ведет той работы, чтобы бороться с хозяйственником, как говорилось при мне в Америке, за „поркчапс", а ведет такую же работу, что и хозяйственный орган, как заводоуправление, т. е. борется за выполнение промфинплана, за удешевление себестоимости выработанной продукции, за увеличение производительности труда, борьба с прогулами, для чего устраивается даже, так называемый, товарищеский суд, за охват рабочих членством и т. д. Итак, если бы это, о чем ты писал, или вроде этого, на производстве зарождалось, то немедленно выявляются инициаторы и передаются в Г.П.У., а там уже такой инцидент разрешается при закрытых дверях, подшивается контр-революция, т. е. выступление против совласти, и таковым находят место. И вот, как видишь, какая это трудная задача. Во всяком случае, может быть стихийно и произошло. Что могло быть причиной этого, спрашиваешь ты? Продовольственный кризис. И если это случилось, то вышеупомянутые органы, головки их, будут привлекаться также к ответственности за слабую работу, за неумение подойти к массам, так чтобы этого не допустить. Во всяком случае, мне говорили, что так было на одном заводе в Киеве.

2-ой вопрос — ЕСТЬ ЛИ ЕЩЕ ЧАСТНАЯ ТОРГОВЛЯ? Я в прошлом письме тебе писал, но вкратце, как видно ты слабо разбирал каждое слово, а его надо расшифровывать, потому что описать так, как на лопате, нет никакой возможности, об этом я тоже упомянул. Ну, скажу яснее. Лавки, магазины частной торговли не существуют, но из под полы можно достать мыло, дрожжи, сахар, чулки и т. д. Где они берут, то чорт их знает, и берут за это бешенные цены, например, фунт мыла — 7 руб., чулки до 5-ти руб., фунт керосину — 7 руб., а цены такие потому, что у нас на все дефицит.

3-ий вопрос — КТО ПРОДАЕТ ДОМА И ПОЧЕМУ ПРОДАЕТ? Никто не продает, потому что никто не покупает. Это было с 24 года по 27-ой год — строили, покупали и продавали. Я начал строить хату еще в 25-ом году и не кончил, и нет возможности кончить, потому что сейчас трудно гвоздя достать, не говоря про что нибудь другое, хотя бы как дверцы для трубы, это одно; второе тогда еще на такое маленькое хозяйство, как мое, не налагали никакие налоги, а сейчас, я тебе, кажется, писал, мне нужно было за 32-ой год дать всяких налогов 95 руб., 39 килограммов (два с половиною пуда) картошки, 10 кило зерна, 10 кило мяса, а на 33-й год надо мяса дать еще 21 кило, тогда как пролетарий, не связанный с каким бы то ни было сельским хозяйством, этого не знает, если зарабатывает не больше 70 руб. в месяц, если же зарабатывает больше, то с него удерживают подоходный налог. А с рабочего же связанного с сельским хозяйством подоходный налог берется с лошади, коровы, земли, побочного заработка. И вот, как видишь, нет интереса строиться или покупать. Но я думаю, что ты не об этом спрашиваешь, а о другом. То я скажу, продавались не только дома, клуни, а и то, что было в доме. При раскулачивании за невыполнение налога продавались с молотка местными властями,

сельсоветом, и покупали, большей частью, колхозы, которым нужно было строиться. Ну, цены, конечно, были смешные, например, дом стоит 3,000 руб., а продавался за 100 руб.

4-ый вопрос — КТО СЧИТАЕТСЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ КУРКУЛЕМ, т. е. КУЛАКОМ? Кулаки это — зажиточные хозяева, их сейчас, можно сказать, что нет, они кое-где болтаются в воздухе, это значит, хозяйство их раздавлено, земля их отошла в колхозный массив, для них отводится земля в других местах — свободных, запущенных, более неудобных; с этой земли он не может иметь той пользы, которую имел раньше, потому что нет чем удобрять и обрабатывать, хотя лошади еще у некоторых есть, но с него спрашивается контрактация, налоги с площади земли, какая она есть, и в большем размере, чем с бедных. В колхоз таковых прием воспрещается. Ну, эти, что здесь живут, можно сказать, были не такие уж зажиточные, заможные. Более крупных заможников повысылали в Сибирь, а хозяйства их сошли с лица земли.

5-ый вопрос — ЕСТЬ ЛИ САБОТАЖ В КОЛХОЗАХ? Саботажа, как такового, нет. Правда, есть люди, которые не так добросовестно относятся к колхозной работе, как в своем бывшем хозяйстве, но есть и активные работники. То, что работа не совсем удовлетворительно проходит, то это потому, что не хватает рабочих рук, а также и потому, что рабочий скот в неудовлетворительном порядке: живет одним сеном, какового бывает в недостаточном количестве, овса нет.

6-ой вопрос — ДОБРОВОЛЬНО ИЛИ НАСИЛЬСТВЕННО ВСТУПАЮТ В КОЛЛЕКТИВ? У нас насильственного вступления нет, а добровольное. Для этого применяется умелый подход, по поговорке, что с умелым подходом собака и горчицу будет кушать. Положение таково: земля бедняка, середняка отходит под колхоз, возле дома оставляется 30 соток гектара земли. Если он не желает вступать в колхоз, ему дается земля в другом месте, как я выше упоминал. Эту землю он не сможет обрабатывать так, как прежнюю, и взять с нее такую же пользу, какую он имел раньше, и, кроме того, у него не много ее и было, а посему — какой ему выход? Надо идти в колхоз. Вот и все. Кроме того, колхозникам даются льготы по всем видам налогов, например, по мясозаготовке единоличник дает 42 кило, а колхозник только 31. Теперь, если кто отказывается от той земли, которая ему дается взамен прежней, все равно он должен дать семян в количестве, достаточном засеять эту землю. Хотя колхозник, вступая в колхоз, тоже должен внести такое количество зерна, какое нужно, чтобы засеять ту землю, которая от него отошла под колхоз, но здесь, если у него нет полностью, колхоз может дать ему на некоторое время рассрочку. Ну, а почему некоторые работники не относятся так активно к колхозной работе, как когда то в собственном хозяйстве? Ясно, когда-то он продукцию своего труда использовывал сам, оставляя для себя нужное количество, а остальное вывозил на рынок, теперь же, я тебе писал, нужно отчислять фонды с общего сбора, а остальное рсспределяется по трудодням. Разберись в прошлом письме.

7-ой вопрос — СУЩЕСТВУЕТ ЛИ НА ФАБРИКАХ СДЕЛЬЩИНА? Сейчас можно сказать, несдельной работы нет — везде сдельщина. После революции сдельщины не было, после на некоторых заводах применялась ограниченная сдельщина, т. е., дабы не убивать здоровья, не должен был делать больше установленной нормы, после стала сдельщина неограниченной, т. е. делай сколько можешь. Теперь применяют хронометраж, т. е. возможности выработки как машины, так и человека, учитывают как оборот машины, так и человека, даже в одну секунду. Теперь применяется еще метод стимуляции выработки — это соревнование работника с работником, машины с машиной и т. д. Лучших, крепших работников, вырабатывающих норму, какую не каждый в состоянии выработать, премируют, выделяют их из общей массы — они называются ударниками. Премируются так: выдаются им подарки — пара белья, теплый платок, какую нибудь другую вещь, как зеркало, чемодан, экскурсия куда-нибудь, например, на Днепрострой, или две недели в дом отдыха или на курорт, женщинам — платок, платье. Мой сынишка получил маленький чемоданчик и три пары носков. Или еще вот устраиваются им ужины, выдается из кооператива в первую очередь какой нибудь дефицитный товар и часто бывает, что этот товар получают только ударники, как, например, сахару мы не имели с полгода, ударникам за это время выдавали два или три раза по фунту, давали им по фунту подсолнечного масла, раз дали по паре селедок — вот такая привилегия ударникам. Здесь ты должен подумать.

8-ой вопрос — СУДИТ ЛИ САМА СЕЛЬРАДА? Сельрада разбирает поступающие жалобы, голова сельрады имеет право дать принудительного труда — не знаю на сколько дней. Но ты спрашиваешь о невыполняющих общественных обязательств, т. е. продналога или контрактации зерна. Это без всякого суда, посылается бригада, иначе сказать комиссия, описывается

имущество, если находят запрятанное зерно — забирают все, имущество, как применялось к заможникам, хозяйство все продавалось.

9-ый вопрос — ПОЧЕМУ У НАС ТАКАЯ ДОРОГОВИЗНА? Этот вопрос растяжимый и довольно сложный, описать его подробно не могу. Если ты будешь со вниманием разбирать все выше мною описанное, то можешь кое что понять. Вкратце могу сказать так: если в довоенное время я платил аренды за одну десятину земли 3 руб. и страховки 25 коп., то сегодня я тебе писал сколько я плачу за четверть десятины. Значит, может ли продукт моего труда оставаться в старой цене? Конечно, нет. Ну, а пром-товар? Если раньше сапоги можно было купить за 5-6 руб., то сейчас их трудно купить за 160 руб., пиджак, стоивший 3-4 руб., теперь стоит 60 руб. У нас всякий товар дефицитный, т. е. производительность не удовлетворяет потребность. Теперь каждое учреждение имеет план мобилизации средств с разных источников. Раньше рабоч. кооператив продавал по твердым ценам, это значит, себестоимость и плюс 10% сверх. Сейчас вся торговля перешла на коммерческие цены, например, раньше сахар стоил 27 коп. фунт, а вчера жена взяла фунт за рубль; так и со всеми остальными товарами, кроме хлеба, каковой стоит 17 коп. кило. На рынке торговли, можно сказать, сейчас нет никакой, за исключением цибули, фасоли, картошки и пшена по фунту-два. Теперь кооператив не только занят одной торговлей, но должен теперь организовать свое хозяйство, завести коров, свиней, огороды, организовать кролиководство и т. д. Для этого нужны крупные средства и потому вся торговля перешла на коммерческие цены, **осталась лишь твердая заработная плата, которая за рынком не идет: жена купила пару фунтов пшена по 3 руб. за фунт, значит, мне нужно работать день за фунт пшена.**

Кажется, все ответил на твои вопросы, хотя не очень ясно. Ты пишешь, что у вас тушу поросенка в 200 фун. можно купить за 6 дол., а я скажу, что за один фунт нашего сала у вас можно купить два таких поросенка.. У нас фунт сала стоит 12 руб., яичко — 60 коп., курица — 10 руб., гусь — 20 руб., пуд картошки — 20 руб., стакан гороху — рубль, кружка молока — 1 руб. 70 коп.

У нас на почте доллары на руки не выдаются, а отсылаются в ближайший „Торгсин“, откуда выдают товарами и продуктами по старым, довоенным ценам.

Я еще вспомнил из прошлого твоего письма, где ты писал, что у нас нет панов и подпанков. **Действительно, этого слова у нас больше нет, но только как слава.** Но разница не в слове, а в деле. У нас есть комиссариаты, совработники, служащие всех советских учреждений, инженерно-технические работники, служащие фабрик и разная интеллигенция. **Всякое правительство имеет свою интеллигенцию — сов. власть создала свою, которая имеет преимущество перед рабочим.** У нас, например, существует разделение труда по специальности и квалификации, и вот, рабочие у нас зарабатывают от 30 до 100 руб., а служащие до 400 руб. Теперь, для инженеро-технических работников отдельная лавка снабжения, отдельная на фабрике столовая, для них лучшие квартиры и т. д. А теперь разных этих работников гораздо больше, чем когда то ни было, и, если бы забрать у них портфели и пустить на ботинки, то порядочно было бы ботинок ....

....

Ну, этим кончаю, уже пальцы не пишут. Будь здоров, жму твоих пять пальцев.

Владимир.

4-го января 1934 г.

ПИСЬМО ИЗ БЕЛОРУССИИ.

15-го Ноября 1933 г.

Дорогой брат Яков, я пишу вам другое письмо, да ответа что-то нет — по каким причинам, мы не знаем. Я думаю, что вы не не получили в виду того, что я много чего написал про наше житье и нашу прошлую весну; чем питались и как остались живы. Но я думаю, что вы сейчас должны получить, потому что я могу описать то, что мы пока живы и здоровы. Только наше положение в жизни очень стало плохое. Благодаря тому, что я немного заработал картошки, то я могу кое-как немного прожить. Что будет дальше, то никто пока не знает.

Итак, дорогой брат Яша, работу пока дают, но что из этой работы, коли нельзя прохарчиться с семьей — одному можно. Можно ходить работать в совхозе, но только на все время, и не работать на своей земле, а там мало дают продуктов. Из за того, что у меня есть земля, то дают только на рабочего, а на детей не дают. А еслибы я хотел, чтобы с меня сняли землю, то не снимают, говорят, что нет такого закона. Харчеванье такое: на один месяц 16 кило муки, это один пуд. Есть еще работа у Леспроме — рубить дрова. Там такса — выруби 5 кубических метров вдвоем, получишь 800 грамм муки, это по фунту на каждого. Жалко, что сейчас нет и этой работы, потому что очень всюду вода и грязь, но придет зима, то придется работать. Пока, нихай, будем здоровы. Прошу писать.

Ваш брат *СЕМЕН*.

Товарищи! Не забывайте заключенных и ссыльных! Помогайте!
Помогайте аккуратно, ежемесячно.
Не ждите воззваний и просьб.
Помогайте!

ПИСЬМА С КИЕВЩИНЫ.

9 мая 1933 г.

Дорогая сестра Мария, сообщаю, що я письмо твое получил дуже благодарю тоби, що ты зараз даешь мыни ответ. ....

Новости у нас таки. Страшно богато людей мре из голоду у кажном сели. И ховають так — на пидводу накыдають людей померших, як гною, до ямы привезуть та так накупу у яму и кыдають, и засыпають землею без нiякого ничего. Это правильно пишу тебе. Авраам дядькив помер, Павло Мыхайлович помер из голоду. Наше родство пока все живи и здоровы. Василь наш учителюе и получае на мисяц 342 руб. и не может мисяц оными грошмы прохарчуваться. Пока дороговизна у нас, нызнаю як и я дожду нового хлиба, бо я отощав, не можу робыть ничого, як у мене ныма нiякой скотыны: ни курки, даже кота нымае. Жыву пока. С тем до свидания, оставайтесь живи и здорови.

Афанасий.

Жду ответа. Прошу тебе сестра, Мария, пыши почаще до мене письма и пыши чи ты получаешь мои, бо я написав уже 5 пысем до тебе. Гаврыло Каленикив ходыть пухлый весь, мабуть помре — нема чего исты, и в колхози вин. Теперь вин дуже жалкуе, що прыихав у Россию, и каже: луче б я там робыв бы найважчу роботу и кормывся б из мусорной ямы у Америци, чем у России лыжать дурно.

1933 г., 3-го Сентября.

Здравствуй, дорогая сестра Мария, ...

Дуже вам благодарен, що вы мыни дали таку здорову пиддержку. Я уже трохи вычуняв, но из ног тече, бо були ноги здорово пухли, а теперь стухли и по ногах раны есть, алы воны скоро погояться, як буду употреблять жиры, бо без жырив вылечыться ныможно.

Новости у нас таки, як и вам известно — мучат людей до краю. Хлиб, всяки жыри и скотына очень дорого, бо воно все уничтожане. Всего у нас мало и на все кризис. Як буде дальше — ни знаю. Прошу тебе, дорогая сестра Мария и дорогий зять Александр, не забувайте мене, пишите до мне письма, я тоже буду до вас писать.

Гаврыло Каленикив и его семья померли из голоду У Гаврыла тоже булы раны по ногах и вин из ран помер.

Пока бувайте здорови.

Афанасий.

ПИСЬМО С ПОДОЛИИ.

18 Сентября, 1933 г.

Мы ваше письмо получили уже 2 месяца. Извините, что так долго не отписывали: как вам известно, у нас еще нет такого грамотного, чтобы мог написать письмо — мальчик только первый год ходит до школы, а чужие всегда заняты своей работой...

....

....

Мне надо ехать ложиться в больницу на излечение от ревматизма и надо на это около 200 рублей. Мы в этом году заработали 300 трудодней и на друдодень припадает 4 кило хлеба и 1 рубль 15 коп. денег. Всего 1,200 кило и 345 руб. Мы уже авансу взяли 350 кило и деньгами 50 рублей, а остальные выдадут около 20-го декабря, потому что еще не смолотили весь хлеб. На эти трудодни еще будут выдавать солому и полову, еще не известно поскольку выйдет. Денег-то мало получили, потому что этими деньгами надо оплатить все продукты, солому и полову. 16 кило ржи — 90 коп., 16 кило пшеницы — 1,05, 16 кило ячменя — 80 коп., но это государственная цена, по этой цене держава платит за сданный хлеб колхозникам и единоличникам и по этой цене и нам отпускают, а на частном рынке 16 кило ржи — 30 руб., пшеницы — 35 руб., ячменя — 15 руб., картошки — 8 руб., а державная цена 32 коп.

Голод у нас произошел от того, что народ взволнованный не хотел хорошо работать в артели, а другое, что хорошо не удовлетворили колхозников, а с единоличников большие податки сняли. Крестьяне работают и хотят работать, но только не было чем — лошадей просто на руках носили, так как без корму падали в поле. Усадьбы копали лопатками, а машины по горам тоже не хочуть орать. Плохо, что за весь хлеб уплачивают по державной цене, а излишки можно в этом году продавать на рынке, но его мало где останется для рынка. Помогают только тем, у кого в семье много безработных, а тем семьям, в которых один работает и один безработный, — помощи не дают: один рабочий должен воспитывать одного безработного, остальным помощь дают, но очень мало.

Я за ваш подарок купила в торгсине простые сапоги и две пары подошв, заплатила 4 долл.

До свидания. Желаем вам всего хорошено.

Твоя сестра *Юзя* и *Василь.*

Тюрьма и ссылка

ЕЩЕ ДВА ЗАМУЧЕННЫХ БОЛЬШЕВИКАМИ

Вскоре после получения извещения о смерти НИКОЛАЯ РОГДАЕВА в Ташкентской ссылке, нами было получено сообщение о трагическом конце другого старого товарища — ИЛОВАЙСКОГО (КАЙДАНОВ), близкого друга Рогдаева, который покончил самоубийством в гор. Орле, где он отбывал ссылку.

Список мучеников увеличился смертью молодого нашего товарища *Куликова,* который умер в Сибирской ссылке.

Мы постараемся опубликовать все подробности смерти этих двух товарищей, как только получим необходимую информацию.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ ССЫЛЬНЫХ

I.

....Получила ваши 5 долларов. Ну и что-же? Мои мечты исполнились! Я мечтала наесться хлебом... Я накупила за эти деньги разных продуктов в „Торгсине" и некоторое время буду сыта...

Не ответила сразу из-за мелочи — из-за керосина. Целый день я на работе, а вечером в комнате первобытная тьма — нет керосина. Керосин стал предметом роскоши — нелегко его достать. Сегодня я достала на службе 2 литра и у меня в комнатее воцарился свет.

Работаю в артели, занимающейся производством толокна. Теперь из-за отсутствия овса — предмета нашей

переработки — мы приступили к переработке пищевого жмыха. Что это такое? Это — отходы, которые получаются на маслозаводе от подсолнух. Мы этот жмых перемалываем в муку, которая идет на кондитерские изделия. Лепешки жмыховые, если к ним прибавить процентов 50 какой-либо зерновой муки, с'едобны и могут заменить хлеб — что и требовалось доказать!..

Плохи дела у А. Оба они не работают (с марта месяца работали недель 5 — не больше) и без всяких перспектив на работу. Положение в общем таково, что если и работать регулярно, то нужны сверх-естественные способности и изворотливость, чтобы сбалансировать бюджет.

При безработице-же *крайне плохо.* Большинство наших теперь не работает и почти все жалуются на голод...

Хочу еще раз поблагодарить за помощь. Взяли мы в „Торгсине" помимо муки еще и сахару, *(так-как мы тут его не видели ровно год)* и теперь благодушествуем распивая чаек с сахарком, и вспоминаем вас всех добрых друзей и товарищей.

II.

Я и еще один товарищ до сих пор на положении безработных; спрос на нашу профессию (экономисты) хотя и имеется, но как-только узнают, что мы полит-ссыльные, то под всякими предлогами в работе отказывают... Обошли почти все учреждения и заводы города, но результаты пока весьма печальные. Переехать-же куданибудь в другой город нам не разрешают.

Заранее оговариваюсь и прошу прощения: наше бытие пронизано насквозь материальными расчетами. Не судите строго, если они вмешиваются в письма. Вот сейчас у нас растет ребенок. Нужно подкармливать, а мы не имеем возможности добывать ни сахару, ни детской муки, ни рису, ни всяких других детских продуктов. И мне хочется просить у Вас помощи.

....После вашего сообщения я безусловно верю сообщениям газет о зверствах фашистов и обо всем вообще, что делается в Германии. Страшен разгул, с которым одержавшая победу грубая сила набрасывается на страну, но, заглядывая в будущее, я предвижу еще более жуткие явления, если не найдется у рабочих, через головы своих подлых и трусливых социал-демократических вождей, решимости свергнуть эту варварски-отсталую власть. Я предвижу (в последующих строках автор письма имеет ввиду — в скрытом виде, конечно — нынешнее положение в СССР — *Примечание редакции)* как насилие, поругание над человеческой личностью, войдет в холодную бюрократическую систему; как уничтожение своего собственного достоинства, безропотное подчинение грубой физической силе и заискивание перед ней, даже путем предательства себе подобных, лишь-бы спасти свою собственную шкуру, апатия и безразличие ко всему войдут в быт, станут бытом. Это еще более жутко. Пока есть еще протест, есть противодействие, — еще можно надеяться на лучшее, но когда убито все, что ставит человека *над* животными, тогда безнадежная тоска охватывает и становится омерзительно жить среди общества попугаев...

По газетам я вижу как катастрофически-быстро падает благосостояние германского (читай — русского) рабочего, как растет безработица. Недалек тот час, когда он будет работать за плату, которая даст ему возможность купить себе лишь 12 кило муки в месяц и его будет радовать, если сытые фашисты прибавят еще к этому и возможность приобрести еще 12 кило по твердым государственным ценам... Голод — великое орудие в руках таких средневеково-азиатских правителей, как Гитлер. Приучив народ голодать он за жалкие подачки добьется возвышения себя чуть-ли не в божескую степень и рабы желудка и Гитлера будут лишь славословить и слепо повиноваться. Не посмеют возражать против самых нелепых вещей, даже в мелочах, ибо им всегда будет грезиться фельдфебельская палка штурмовика. А голод — неизбежное следствие всякой фашистки-автархической системы. И при таком падении марки, наблюдаемой в повышении цен на продовольствие, скоро в Германии, пожалуй, некоторые продукты будут продавать только за золото, или за иностранную валюту, как, напр., сахар, крупу, крупчатку. Ведь будет-же Гитлер стараться показать, что он все может производить, что все у него есть в большом количестве. Все — для экспорта, а народ пусть подыхает с голода, или пусть платит на рынке 280 м. за 16 к. хлеба, или у Государства за 2 золотых монеты... Поневоле призадумаешься горько над судьбой германского пролетариата — так пассивно слушавшего своих социал-демократических слюнтяев и сковавшего себе цепи горшие, чем были когда-либо...

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С МЕСТ

ДЕТРОИТ, МИЧ.

О лекциях тов. Максимова.

В первых числах декабря истекшего года тов. Максимовым были прочитаны пять лекций на социально-политические темы:

1) Кто, как и почему собирается спасать Россию, 2) Анархическая программа социальной революции: Анархизм и промышленность, 3) Анархизм и земледелие, 4) Политический строй анархии и военная защита, 5) Революционеры, контр-революционеры и признание СССР.

Все пять лекций живо интересовали передовых рабочих. Не в меньшей мере интересовали эти лекции и наших недоброжелателей — рассвето-пробужденцев. Недоброжелатели с большим озлоблением, (причиной которого являются статьи тов. Максимова о „Рассвете" и „Пробуждении"), употребили все способы, чтобы помешать успеху лекций, но огненно-революционное слово лектора было сильнее их злобы и лекции имели большой моральный успех. Лекции имели успех у той части тружеников, которые искренне стремятся к полному раскрепощению от ига государства, власти, церкви и капитала. На протяжении всех лекций красной нитью проводилось классовое сознание, классовая борьба с капиталом и властью, призыв к сознательной и неустанной борьбе за практическое осуществление анархии и коммунизма. Силой революционной логики лектор настійчиво звал рабочих безвластников иметь свою анархическую линию поведения и не якшаться ни с большевиками, ни с белогвардейцами.

Первая лекция закончилась постыдным поведением про-

бужденцев. Некоторые из них пытались сорвать лекцию в самом начале. Они обвиняли лектора, не выслушав лекции, в большевизме, в пробольшевизме, в скрытом большевизме, пришивали ему все, что в голову приходило. Обвинение и ругань, конечно, звучали глупо, ибо лектор еще не начинал говорить и, следовательно, обвинять его не было в чем.

Когда же лекция была прочитана, обвинители, несмотря на то, что лектор и словом не обмолвился о сочувствии большевикам, атаковали его и давай „шить" ему пробольшевизм. Атаки очень смахивали на беспорядочную ружейную стрельбу по броневику. Стальная логика лектора, анархиста-революционера, легко справилась с атакующими. Один из недоброжелателей с детской откровенностью публично сознался перед аудиторией и лектором, что ими решено сорвать лекции. Подробное описание поведения пробужденцев Детроита на лекциях товарища Максимова читатель найдет в нижеследующем отчете тов. Сабодаша. Заканчивая заметку, я должен сказать, что лектор имеет долгий революционный стаж, как участник русской революции и как журналист безвластнической печати и, поэтому, заслуживает иного к себе отношения со стороны честных безвластников, каковых, к сожалению, среди детроитских пробужденцев становится все меньше. Хочется верить, что в будущем такие большевистские выходки не повторятся и что все мы сообща и при содействии лектора поведем борьбу с окружающим всех нас злом.

Ф. Коваленко.

Детроитские пробужденцы пошли по большевистской дорожке.

Лекции тов. Максимова, устроенные группой „Дело Труда" гор. Детроита прошли очень успешно, несмотря на то, что рассвето-пробужденцы всячески старались сорвать их. Они, например, уничтожали наши афиши, нарочно не протопили помещение („думали, что будет тепло"), активно готовились и собирали свои силы, чтобы сорвать лекции. Прибыл лектор, наступил день лекции, пробужденцы собрали свою армию в кооперативном ресторане, что внизу, под лекционной залой. Первым в помещение вошел А. Шаврук. Занял место близь дверей, (повидимому, боялся, что придется удирать), вооружился „Делом Труда" и ждал прихода остальной армии. Вскоре скопом ввалилась и пробужденческая армия, состоявшая из десятка — не больше, она оттерла товарища, продававшего билеты, и, не заплатив за вход, расположилась в конце залы.

Как только председатель представил лектора публике и об'явил о начале лекции, сейчас же поднялся Шаврук и потребовал себе слова. Публика и председатель осадили его, заявив, что сперва будет говорить лектор, а он получит слово, когда полагается; Шаврук, поддерживаемый криком своего десятка, начал упорствовать и настаивать на своем и начал было говорить, т. е. ругать лктора, аудитория, однако, потребовала от них или убраться или вести себя, как полагается на лекциях. Наши вояки сразу остыли и мирно уселись, не проронив ни единого слова в течении всей лекции.

Когда пришло время дискуссии, Шаврук первый взял слово и, с места в карьер, начал поносить лектора, совсем не касаясь темы. Исчерпав запас клеветы, Шаврук начал читать цитаты из статьи тов. Максимова: „Что обещали и что дали", помещенной в № 77 „Дела Труда", стараясь пришить автору большевизм. Когда же тов. Максимов попросил читать дальше, то Шаврук отказался, заявив, что он не желает отнимать время у других, желающих принять участие в „прениях", у него так много подчеркнуто, что, чтобы прочесть все, потребуется много времени. Он сел. После Шаврука по-шавруковски „дискуссировали" еще трое рассвето-пробужденцев. Они осыпали злобной бранью тов. Максимова и группу „Дела Труда". Накричавшись и наругавшись вволюшку, (что им было предоставлено, чтобы они могли показать свое настоящее лицо перед публикой), они хотели было оставить помещение не ожидая ответа. Заметив это, тов. Максимов крикнул им: „это как раз по-рассветовски — пришел, выругался, хлопнул дверью и ушел". Рассвето-пробужденцы смутились и попятились назад. Остались. Тов. Максимов, заканчивая свой ответ выразил уверенность, что те пробужденцы, которые имеют хоть каплю совести, завтра будут гореть от стыда за все, что они здесь говорили и как себя вели.

Забыл сказать несколько слов о Павлове. Он говорил последним: Речь его была полна лицемерия: „я не рассветовец и не такой уж страшный пробуждец, но" . . . и за этим „но" последовала защита „рассвето-пробужденчества" со всякими увертками и оговорками: поэтому верить его заявлению, что он „искренне защищает интересы рабочих и анархизма", конечно, нельзя до тех пор, пока он публично не заявит, что рвет с „Рассветом" все отношения. Говорил он, как и все другие его товарищи, не на тему лекции, а бранился.

Чтобы сорвать дальнейшие наши лекции, рассвето-пробужденцы уговаривали публику не идти на лекции, говоря ей, что „говорит большевик и гривенник надо платить за вход". Сами они на дальнейших лекциях не присутствовали, говорят, что бойкотировали, но, наверно, от стыда за неудачную попытку сорвать первую лекцию большевистским методом.

Самое возмутительное и с революционной точки зрения абсолютно недопустимое, это то, что они опубликовали в „Рассвете" провокаторскую заметку — „Бойкот лекций Г. Максимова в Детроите", к которой присоединился и „Рассвет", сопроводив эту провокацию призывом подражать детроитцам. Эта провокация была вскрыта тов. Максимовым на последней лекции, на которой присутствовала вся пробужденческая армия: он прочитал эту заметку публике, а присутствовало свыше 80 человек, и высмеял пробужденческих мальчиков в длинных штанах. Вот такую „принципиальную" борьбу вели детроитские пробужденцы с нашими лекциями, с Максимовым, с „Делом Труда" и, конечно, с пропагандой анархизма. Что дала им эта борьба? Позорное моральное поражение — они восстановили против себя всю публику, подорвали к себе всякое доверие и увидели, что они в русской колонии Детроита одиноки. На первой лекции они кричали: „если мы, рассвето-пробужденцы, уйдем, то будешь читать только перед своей пятеркой". Они ушли, а прогрессивные колонисты продолжали посещать лекции. Успех наших лекций превзошел все ожидания, несмотря на будние, рабочие дни, несмотря на то, что лекции об'являлись только одними летучками, публики было достаточно. Рассвето-пробужденцы, однако, не выдержали об'явленного ими „бойкота" и скопом пришли на последнюю лекцию, а до этого они сидели в кооперативном ресторане и играли в шашки. На этот раз они даже за вход заплатили

и сидели в продолжении всей лекции спокойно. Но во время дискуссии они снова распоясались и набросились с грубой бранью на лектора. Я здесь не намерен касаться всех крикунов, отмечу только одного — Гурина, который пришел по окончании лекции, и, чтобы не платить за вход, остановился у дверей и начал реветь: „Изменник! Дурак! Большевик! Тебя, дурака, можно купить и продать"! Вот чему научились пробужденцы у защищаемого ими „Рассвета". Жалкие существа! Невежество и грубость их качество. Так громили нас рассвето-пробужденцы. Еще один такой погром и пробужденцев не будет в Детроите.

Шаврук же, потеряв всякий стыд, занялся писанием в „Рассвете" пасквилей, которые больше порочат не того, против которого они писались, а того, кто их писал.

К. Сабодаш.

ЧИКАГО, ИЛЛ.

Не кием, так дубиной.

В Вотербури, Конн., наши друзья устроили лекцию Максимова. Как и в некоторых других городах штата Коннектикут, большевики подняли скандал и хотели сорвать ее. В связи с этим Яков Минский поместил одного и того же содержания корреспонденцию в нью-йоркском — „Новом Русском Слове" и в чикагском „Рассвете". Любопытно сравнить начало корреспонденции Якова Минского из обоих указанных выше газет. В „Новом Русском Слове" мы читаем:

„После длительного перерыва, исчисляющегося в дюжину лет, здесь была устроена группой русских рабочих из Союза Русских Граждан первая интересная лекция Максимова на тему: „Октябрьская революция и большевики", которая прошла с необыкновенным успехом, так как послушать лекцию собралось больше 150 человек" („Н. Р. С.", 10 января, №7664).

В „Рассвете" таже самая корреспонденция начинается так:

„Здесь после длительного перерыва, исчисляющегося в дюжину лет, была устроена группой русских рабочих из Союза Русских Граждан первая интересная, поучительная и довольно обстоятельная лекция на тему: „Октябрьская реолюция и большевики", которая прошла с успехом, так как послушать небольшевистскую лекцию собралось больше 50 человек" . . . („Рассвет", 30 января. № 25).

Читатель, конечно, заметил большую разницу в цифрах посетителей „небольшевицкой лекции" и отсутствия, в помещенной „Рассветом" заметке, имени лектора. Что в Вотербури на лекции Максимова было больше 150 человек, это мы знаем из писем и отчетов товарищей. Спрашивается, куда же и почему „Рассвет" спрятал сотню вотербургских посетителей лекции Максимова и почему опущено имя лектора? Эту сотню скушала редакция „Рассвета". Но разве редакция „Рассвета" занимается людоедством? Натурально, конечно, нет; но когда дело касается числа слушателей лекций Максимова, она снижает его соответственно своему аппетиту, т. е. ненависти к Максимову и к „Делу Труда". „Рассвет" кроме лжи ничего сейчас не может писать и говорить о Максимове. В самом деле, вспомните провокационную заметку в „Рассвете" под заголовком: „Бойкот лекций Г. Максимова в Детроите", в которой сообщалось, что Максимов „читает лекции в Детроите только перед своей пятеркой". Редакция не только поместила эту заведомо лживую заметку своих воспитанников, но еще сопроводила ее примечанием „наборщика", призывавшим читателей других городов „последовать примеру детроитцев" . . . И действительно, к радости „Рассвета" на его призыв откликнулись большевистские громилы штата Коннектикут, которые, подобно детроитским сторонникам „Рассвета", пытались хулиганить на лекциях и срывать их. Однако, во всех городах Коннектикута, публика обуздывала, как и в Детроите, несознательных и темных и лекции Максимова, везде многолюдные, кончались полной моральной победой.

Таким образом, политика нашего чикагского „спасителя" русского народа ударить Максимова кием не увенчалась успехом, поэтому решено испробовать на нем дубину: газета, мол, наша и мы можем по своему усмотрению сообщать о количестве посетителей „обстоятельных небольшевицких" лекций и клеветать на Максимова при помощи Шавруков, юнгстаунских „присутствующих" (Шакула) и др. „благородных", „порядочных" и „честных" господ.

Приставка „небольшевицкая" сделана с той целью, чтобы не называть имени Максимова, ибо назвать лектора „небольшевицкой лекции" значило бы уличить себя и детроитцев во лжи и клевете.

Уменьшая в три раза посетителей лекции, редакция „Рассвета", несомненно, думала, что она ловко дурачит своих читателей глупым и клеветническим походом против Максимова. Однако, она забывает, что слушатели лекций Максимова, прочитав ложь в „Рассвете", скажут — „Рассвет не только проводник русского фашизма", но и проводник лжи и клеветы.

С. В—ин.

БАЛТИМОРА, МД.

Резолюция протеста против фашистского и большевистского режимов, вынесенные на лекции тов. Максимова, 24-го Декабря 1933 года

Всесоюзному Центральному Исполнительному
Комитету Советов
Москва, Кремль.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Мы, русские рабочие гор. Балтиморы, Мд., Соединенных Штатов Северной Америки, собравшиеся 24-го декабря 1933 года на лекции, устроенной группой Анархо-Коммунистов в Социалистическом доме № 1029 Ист Балтимора ул., требуем от Советского правительства восстановления всех Октябрьских свобод в С.С.С.Р. и немедленного освобождения из тюрем и ссылок всех политических заключенных: Анархо-Коммунистов, Анархо-Синдикалистов, Максималистов, Оппозиционеров-Большевиков и всех революционных рабочих и крестьян.

Это, по нашему мнению, усилит мощь мирового рабочего класса в борьбе с международным капитализмом и фашизмом.

Председатель *Ф. Серадоенков.*

24-го декабря 1933 года

Господину Генсу Лютеру,
Германскому Амбасадору
в Вашингтоне, С. Ш.
Северной Америки.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Мы, русские рабочие гор. Балтиморы, Мд., С. Ш. Северной Америки, собравшиеся 24-го декабря 1933 года на лекцию, устроенную группой Анархистов-Коммунистов в Социалистическом зале, № 1029, Ист Балтимора ул., самым энергичным образом протестуем против режима террора, практикуемого правительством Гитлера по отношению Анархо-Коммунистов, Анархо-Синдикалистов, Коммунистов (большевиков), Социалистов и революционных рабочих Германии. Мы также требуем от правительства Гитлера освобождения всех политических заключенных в противном случае мы будем продолжать бойкот немецких товаров.

Председатель *Ф. Серадоенков...*

МОНТРЕАЛЬ, КАНАДА.

Резолюция Союза Российских Тружеников

Союз Российских Тружеников на деловом собрании, состоявшемся 3-го декабря 1933 года, всесторонне обсудив статьи в „Дело Труда", которые направлены против рассвето-пробужденцев и их сторонников, пришел к следующему заключению:

1) Не оправдывая политику рассвето-пробужденцев, зная что они собою представляют и не желая иметь с ними ничего общего — это не относится к рядовым рассвето-пробужденцам, для которых наши двери всегда открыты — мы, тем не менее, считаем излишним вести с ними полемику в нашем органе „Дело Труда", ибо они не заслуживают, чтобы страницы журнала заполнялись статьями о них. „Дело Труда" должно проходить мимо них молча, продолжая развивать идеи анархического коммунизма и тем показывать всему трудовому люду, что мы боремся за свободу всего народа, тогда все те, которые в настоящее время против нас, увидев это, будут вместе с нами — мы имеем в виду не рассвето-пробужденческих генералов, а рядовых.

2) Союз также считает нежелательным помещать в „Дело Труда" такие статьи как статья тов. Максимова: „Почему я за признание СССР", ибо нас этот вопрос не интересует и для нас нет разницы между Вашингтонским, Московским и другими правительствами. Этот вопрос может интересовать парламентаристов, а мы антипарламентаристы и нам бесполезно заниматься такими вопросами. *Нас крайне интересует как смотрят на это все остальные группы нашей федерации.*

В заключении Союз выражает пожелание избегать в „Дело Труда" всякой полемики и энергичнее приняться за проведение идей революционного анархо-коммунизма и пригласить для этой цели в сотрудники наших анархо-коммунистических писателей.

Надеемся, что наш голос не будет вопиющим в пустыне.

Да Здравствует Анархический Коммунизм!

С тов. приветом,

Секретарь *Гр. Резанович.*

ОТЧЕТЫ

ЮНГСТАУН, ОГАЙО.

Дорогие товарищи!

Спасибо за новости об Нью-Иоркском районе, ибо нам из Нью-Иорка почему-то ничего не пишут по поводу Максимова лекций. Видно из Вашего письма, что Максимов имеет хороший успех в Нью-Иоркском районе, и, кажется, что вполне можно надеяться, что наша Федерация еще больше окрепнет; на радость нам и на зло — рассветовцам и большевикам.

О том, что рассветовцы подлы, не приходится слишком удивляться. Большевики со своей хулиганской работой скоро сойдут на нет среди трудовой колонии, и, очевидно, рассветовцам понравилась большевистская „работа", а поэтому они — рассветовцы — и заняли позицию большевиков. Ну что же, меняются времена, а с временем и люди. Рассветовцы это — зло, (употребляю Волина фразу), с которым нужно бороться. Всему бывает конец, придет он и рассветовцам.

При сем прилагаем денежный перевод на сумму 19.00 долларов, которые предлагаем употребить на две цели: 10.00 на политических заключенных в России, а 9.00 на „Дело Труда".

Поместите на страницах „Д. Т." следующий отчет по устройству лекции Максимова в Юнгстауне в Декабре месяце 1933 года.

На покрытие расходов по лекции жертвовали следующие товарищи: Н. К.—3 дол., И. О.—2 дол., Д. С.—1 дол., К. У.—2 дол., С.—1 дол., П. Щ.—2 дол., П. В.—2 дол., Д. Л.—2 дол. Приход—15 дол., расход—8 дол. Остаток (7 дол.) от лекции употребили на поддержку „Д. Т.".

Затем шлем Вам всем товарищеский привет и желаем всех благ.

Д. Лычак.

КЛИВЕЛАНД, ОГАЙО.

Уваж. тов.!

Высылаю вам деньги, собранные в пользу „Д. Т." по подписным листам № 62 и № 63, а также за № 77 журнала „Дело Труда". По подписному листу № 62 собрано 3.70. Жертвовали: Ф. Д.—1.00; И. К.—1.00; А. Г.—1.00; Д. Р. и Л. К. по 25 сентов; В. С. и Приходов по 10 сентов. По подписному листу № 63 собрано 2.50. Жертвовали: Павел Копец—1.00; И. Кутиловский—1.00; Ив. Кроток—50 сент. За проданные экземпляры журнала „Д. Т." (№77)—2.50. Общая сумма—8.70.

С тов. приветом *Ф. Дан.*

Примечание редакции.

В прошлом номере в отчете ред. коллегии по ошибке было указано, что от Юнгстауна получено 11.50. На самом деле эта сумма получена от Кливеланда.

Библиотека „Дела Труда" выражает сердечную благодарность тов. *Мельнику* за пожертвованные им 5 долл., которые пошли на покрытие расходов по изданным двум брошюрам. Полный отчет *Библиотека* даст в следующем номере.

ВНИМАНИЕ!

Товарищи, — не забывайте политических заключенных и ссыльных в СССР. — Их участь и положение — ужасные.

ОТЧЕТ

Редакционной коллегии по изданию журнала „Дело Труда“, № 77.

ПРИХОД:

ЗА ПРОДАННЫЕ ЖУРНАЛЫ: от Группы Детройта—2.60; Телана, Виндзор, Канада—1.30; Группы Ст.-Луиса—2.10; Группы Детройта—2.40; Володькина, Чикаго—1.00; Л. Лазарева, Рочестер—1.00; Группы Балтиморы—5.00; Группы Акрона—2.00; Группы Кливеланда—2.50; Прогрессивного Землячества, Филадельфия—5.00; И. Волкова, Чикаго—3.00; Арсенюк, Вотербури—0.30.

В ФОНД „ДЕЛА ТРУДА“: от Союза Русских Рабочих, Лос Анжелос—10.00; Группы „Дело Труда, Лос Анжелос—10.00; Группы Ст. Луиса—3.70; Н. Бирской-Окунцовой, Аркадия, Флорида—0.35; Группы Ст. Луиса—2.90; Группы Бетлегема—2.00; А. Луфоренко, Чикаго—1.00; Л. Скобликов, Чикаго—1.00; Ф. Петрова, Чикаго—0.30; С. Володькина, Чикаго—2.00; Мола, Детройт—0.50; Рымар-гда, Нью Гевен—2.00; Середоенкова, Балтимора—7.00; Ч. Левинского, Балтимора—0.50; Группы Юнгстауна—9.00; Группы Акрона (собрано на лекции Максимова)—1.65; Дубатовки, Акрон—1.35; Группы Нью Гевен (собрано на лек. Максимова)—2.50; Группы Кливеланда по подписным листам (№№ 62, 63)—6.20; Союза Русских Тружеников Монтреаля, Канада—3.00; Прогрессивного Землячества Филадельфии—5.00; Группы Ст. Луиса—3.00; Арсенюк, Вотербури—3.20.

ЗАКЛЮЧЕННЫМ АНАРХИСТАМ В СССР: от Союза Рус. Труж. Монтреаля, Кан. (за Протест Открытки)—1.25; Группы Детроита (за карточки Н. Рогдаева)—1.35; Группы Балтиморы (собрано на лекции Максимова в пользу политических заключенных в СССР и в Германии)—6.80; Прогрессивного Землячества Филадельфии (собрано на лекции Максимова)—5.00; Группы Юнгстоуна—10.00; Группы Нью Гевен (собрано на лекции Максимова)—2.50; Нью-Кестл (собрано на лекции Максимова)—1.40.

ЗА ЛИТЕРАТУРУ: От Группы Ст. Луиса за бр. „Рассвет“—пров. рус. фаш.—1.15; Н. Бирской-Окунцовой за бро-ры: „Мое соц. кр.“ и „Рассвет“—пр. р. ф.—0.10; Группы Детроита за бр. „Рассвет“—пров. Р. фаш.“—1.25; Из Гамильтона, Канада (через Маслова) за Сборник—5.00; от Коваленко и Гаврилюка, Детроит, за Сборник—2.50; Группы Балтиморы за Сборник (2 экземпляра)—1.00; Н. Кек, Нью Иорк, за Сборник—1.00; Арсенюк, Вотербури, (за „Мое Соц. Кредо“)—0.50.

От Русского Независимого Общества Взаимопомощи г. Ст. Луиса, на уплату долга К. Засимовичу—15.87.

ВСЕГО	163.02
ПЕРЕХОДНАЯ СУММА	14.97
ИТОГО	177.99

РАСХОД:

Типография—83.00; Типография (старый долг)—4.00; Экспедиция—13.00; Выслано К. Засимовичу, в Польшу, в счет долга по изданию Сборника—15.00; Пересылка 10-ти дол. К. Засимовичу—1.00; Пересылка 15-ти дол. К. Засимовичу, в Польшу—1.00; Выплачено в комитет Сборника—7.50; Почтовый расход фед. сек. за октябрь, ноябрь, декабрь и январь—4.52; За брошюры „Мое Соц. Кредо“ и „Рассвет“—пр. рус. фаш.—2.50; Выплочено в Комитет Политических Заключенных—28.30.

ВСЕГО	163.82
ОБЩИЙ ПРИХОД	177.99
ОБЩИЙ РАСХОД	159.82
ОСТАТОК НА № 78-й	18.17

Примечание. Из Сан-Франциско было получено 5 дол., которые проведены по книгам кассира, но по ошибке не вошли в прошлый отчет.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ

Комитет помощи анархистам в советских тюрьмах и ссылках

Денежный отчет (Янв. 1933 — Янв. 1934)

ПРИХОД:

А. Зубрин, Детроит—2.00; М. Шуц, Нью Иорк—2.00; Карл Нольд, Детроит—1.00; М. Семенова, Петалума, Кал.—1.00; Дж. Нхман, через М. С. Петалума, Кал.—1.00; Дж. Ципин—1.00; Рахиль Клебанова—1.00; Г. Ципан—2.00; О. Маранглиз, через „Лядуната“—3.75; Группы „Дело Труда“, Детроит, через т. Ф. Коваленко—53.50; Инкогнито, Детроит—2.00; Петр Логан за анг. группу, Филадельфия—3.00; Петр Логан за ан. группу „Прогрессивное Общество“—3 и 2, Дж. Изгур, Лос Анджелес—2.00; Арб. Ринг Брэнтч № 284, чер. М. Шугерман—5.00; Об'един. Анархич. Группы, Лос Анджелес—40.00; Дж. Дибуа, за анарх. группу Могикан, Кал.—6.00; Сара Дэн, Кливланд, за анарх. группу—8.00; Группа „Свобода“, Ротчестер, Н. И.—2.00; Женская группа „Фрайе Гезелшафт“, Детроит—14.00; „Прогрессив Фрейдшип Груп“, Филадельфия—15.00; М. Семенова, Петалума, Кол.—1.00; Ратнер, чер. М. С., Петалума, Кал.—1.00; Фрэд Горнштейн, Лондон, Онт.—5.00.

Доход с вечеринки устроенной в доме тов. Иаффе, Лос Анджелес, Кал. — 35.25

Арбетер ринг, бр. 339 группа „Фрайе Гезелшафт“, через тов. Дж. Дессера — 18.00; Рит через Гольца — 1.00; Сильвештейн через Гольца — 1.00

ВСЕГО — 229.50

РАСХОД:

Печатание англ. бюл. (Январь 1933 г.3 — 24.00; Почт. расходы (марки, конверты и т. п.) — 6.98; отправлено товарищам в СССР — 130.00; отправлено через парижскую группу — 50.00; Банковские расходы (за пересылку денег) — 10.23.

ВСЕГО РАСХОДА — 221.21.

Осталось в кассе — 8.29.

Секретарь, *Марк Мрачный.*

Контрольная комиссия: *Др. Дж. Гольц, Рудольф Рокер.*

ЛЕКЦИИ

тов. Максимова

в **Чикаго**

11-го Марта, Воскресенье,

Банкротство Государственного Социализма.

18-го Марта, Воскресенье

Коллективизация.

Начало в 2 ч. 30 м. пополудни. Вход 10с

Лекции состоятся в помещении

1902 Вест Дивижин стр.